

Юлия Монакова

Галанкина
ЛЮБОВЬ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Юлия Монакова Галинкина любовь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42389434
ISBN 9785449670472*

Аннотация

Юная девчонка из солнечного Крыма, чьи волосы пахнут степными травами, а в глазах плещется море – и циничный столичный артист-сердцеед, переживающий кризис среднего возраста. Трудно представить себе более непохожих людей, чем эти двое. И всё-таки однажды судьба столкнёт их в весьма непростой ситуации... для чего? В этом им и предстоит разобраться. Предыстория – в романе Ю. Монаковой «Артистка». Другие книги о Белецком: «Фанатки», «Сандро, не плачь!», «Над студёной водой», «Я тебя отвоюю у всех».

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ЧАСТЬ 1. СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ	6
Александр Белецкий	6
Виктория Белкина	23
Галина Тесленко	38
Александр Белецкий	55
Виктория Белкина	70
Галина Тесленко	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Галинкина любовь

Юлия Монакова

Дизайнер обложки Юлия Карабицына

© Юлия Монакова, 2024

© Юлия Карабицына, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4496-7047-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Все имена, персонажи и события вымышлены, любые совпадения случайны.

Обратите внимание: в книге упоминаются небезызвестные геополитические события 2014 года. Автор ни в коем случае не ставит своей целью разжигание межнациональной вражды и топит исключительно за братство народов. Всем мира!

ЧАСТЬ 1. СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ

Александр Белецкий

– Саша, что мне теперь делать, а?! – в голосе бывшей жены явственно слышались истерические нотки. – Где её искать? Куда бежать?!

Александр опустился в кресло, мысленно отдав себе приказ успокоиться, чтобы не запаниковать вслед за ней.

– Так, во-первых – бежать никуда не надо, – сказал он решительно и одновременно умиротворяюще. Уж чем-чем, а голосом своим, как и все актёры, Белецкий умел пользоваться великолепно. Сейчас в его уверенном тоне слышалось примерно следующее: «Не бойсь, дурёха, я что-нибудь придумаю, всё будет хорошо!»

Анжела коротко всхлипнула напоследок и послушно затихла, приготовившись внимать экс-супругу.

– Во-вторых, давай рассуждать здраво. Ты говоришь, что мобильный она отключила... К кому она могла сорваться среди ночи без звонка? У неё есть парень?

– Нет... то есть, сейчас вроде бы нет, – поправилась Анжела. – Хотя она не очень-то откровенничает со мной в последнее время, мы с ней постоянно цапаемся. Но прошлого её мальчика, Андрюшу, я хорошо знаю, это её одноклассник.

Они расстались несколько месяцев назад.

– Ты ему позвонила? – быстро спросил Белецкий.

– Позвонила, конечно... И всех её подруг на уши подняла. Пока ни у кого из них Дашка не объявлялась. Если, конечно, они её не покрывают.

– А у твоей мамы её быть не может?

– Ой, ты знаешь, я об этом не подумала, – оживилась Анжела. – Сейчас же её наберу... Саш, но мне всё-таки кажется, что она рано или поздно объявится у тебя.

– С чего ты взяла? Мы с ней редко виделись в последние месяцы. Да и вообще, Дашка не склонна делиться со мной своими личными проблемами. Вернее, она вообще ни с кем не склонна этим делиться, – невесело подытожил он. – Кто знает, о чём она действительно думает и что у неё на сердце...

– Да она же тебя боготворит! – с явными нотками ревности возразила Анжела. – «Папа такой, папа сякой, папа то, папа сё...» Иной раз уши в трубочку сворачиваются, – обиженно добавила она. – Ты для неё – непререкаемый авторитет и идеал. Так что она по-любому прибежит на меня жаловаться... если, конечно, с ней всё в порядке, – голос её дрогнул.

– Успокойся, Анжел, – подбодрил он, – не сходи с ума раньше времени. Дашка уже взрослая девица, семнадцать лет, как-никак. Думаю, поспихует чуток и включит мозги. Давай просто подождём.

– Сашка... – она замолчала на несколько секунд, борясь с подступающим к горлу и уже рвущимся наружу плачем. – Если бы ты только слышал, что она мне наговорила! И этот тон, и ненавидящие глаза... Спаси её, пожалуйста. Только ты можешь это сделать! – патетически воскликнула она. – Она же вбила себе в голову, что хочет артисткой стать... Представляешь?!

– Ну, с родителями-актёрами это, конечно, охренеть как неожиданно, – рассеянно пошутил Белецкий, однако бывшая жена не оценила юмора.

– Господи, что ты несёшь! Сам же знаешь, что это путь в никуда! Сколько актёрских факультетов в Москве? И на каждый ежегодно пытается поступить около пяти тысяч человек. Пяти тысяч!!! – повторила она внушительно. – Поступает в итоге лишь несколько десятков, а в профессии себя находят и вовсе единицы. Что ей потом – всю оставшуюся жизнь вкалывать в амплуа «овсянка, сэр»?!

Анжела знала, о чём говорит – сама была третьеразрядной актрисой одного из захудалых столичных театров. Московская публика на их спектакли почти не ходила, поэтому жила труппа в основном за счёт гастролей, разъезжая по таким глухим провинциям, от которых брезгливо, по-барски, воротили нос звёзды первого эшелона – ведь тамошние организаторы понятия не имели о том, что такое «райдер».

Гастролировали по городам и сёлам, совсем, казалось, не тронутым цивилизацией. Глядя из окна поезда или ав-

тобуса на унылый провинциальный пейзаж, как ксерокопия похожий на предыдущий, Анжела тоскливо вздыхала. Впрочем, в подобных городках труппа получала какую-никакую отдачу: неискушённые местные зрители охотно брали билеты на артистов *с Москвы* и не судили их строго, добросовестно хлопая, преподнося букеты недорогих цветов и даже пьяненько выкрикивая «браво».

Отыграв спектакль в очередном доме культуры очередного Усть-Пердюйска (сколько их было на её памяти – десятки? сотни?..), Анжела одиноко шла в гостиницу и пыталась уснуть, в то время как остальная труппа, собравшись в чьём-нибудь номере, дружно и методично напивалась. Сама Анжела давно уже перестала искать утешения в алкоголе, поняв, что это лишь морок, иллюзия забвения; наркотиков же она панически боялась – это и держало её на плаву, не позволяя совершенно потерять человеческий облик. Ворочаясь на неудобной железной кровати с провисшей чуть не до пола панцирной сеткой в убогом и пыльном гостиничном номере, Анжела безутешно плакала об ушедшей молодости, несбывшихся мечтах и несостоявшейся карьере...

А в это время в соседнем номере артист их труппы Федька Бурлаков – потасканный герой-любовник с полустёртыми следами былой привлекательности – привычно обхаживал очередную хорошенькую здешнюю простушку. Через стену отчётливо была слышна их возня, и Анжела накрывала раскалывающуюся голову подушкой. К тому же, после дешёво-

го и невкусного комплексного ужина из местной столовой её всю ночь мучила изжога. Возвращалась с таких гастролей она обычно совершенно разбитой. А теперь ей предлагают добровольно толкнуть на этот путь единственную дочь?!

– Ну, зачем же заранее настраиваться на негатив, – мягко пожурил её Белецкий. – Извини, Анжел, но если у тебя лично не получилось – это ещё не значит, что у Дашки тоже ничего не выйдет.

Анжела, глубоко уязвлённая его замечанием, не нашлась, что ответить.

– А вообще, мне кажется, – продолжил он с внезапным вдохновением, – что Дашка вполне могла бы стать актрисой. Я даже почти уверен в этом.

– Ты спятил? – сухо осведомилась бывшая жена. – Уверен он... Да с чего вдруг такая уверенность?!

– У неё пытливый взгляд на окружающий мир, наблюдательность, повышенная эмоциональность, – принялся перечислять Александр. – Она чутко реагирует на действительность. К тому же, ни театральным, ни киношным закулисным её не испугать, она среди этого выросла. Так что, думаю, – резюмировал он, – Дашка как раз прекрасно знает, на что идёт, и отдаёт себе отчёт в совершаемых поступках. Впрочем, чего сейчас-то истерить? Время ещё есть. Она может хорошенько подготовиться к поступлению...

– Да ты вообще, что ли, не соображаешь, что несёшь?! – выкрикнула Анжела в отчаянии. – А если она не поступит?

– Ну, ты прямо как умная Эльза. Даже если не поступит – невелика трагедия! Может быть, поймёт, что актёрство – не её призвание. В конце концов, ей же не в армию идти. Успеет ещё окончательно определиться с профессией. Я, кстати, могу помочь устроить её на киностудию. Пусть поработает немного, опыта наберётся...

– Кем устроить?! – заполошно вскричала Анжела.

– Господи, да чего ты так боишься, чего раскудахталась? – недоумевающе спросил он. – Ну, к примеру, ассистентом. Или хоть курьером. Повращается в киношной среде и поймёт, надо ли ей это.

– Ох... – вздохнула Анжела. – Просто хочу уберечь её от собственных ошибок. Если бы я знала в своё время... то никогда в жизни не пошла бы в театральный вуз!

– Это твой опыт и твоя жизнь, – прижимая мобильный плечом к уху, Белецкий достал сигареты. – Чтобы сделать какие-то выводы, каждый человек должен ошибиться самостоятельно. Нужно лично набить себе шишки, понимаешь? – он щёлкнул зажигалкой и затянулся.

– Но ведь своя... родная, кровиночка, – жалобно протянула Анжела. – Хочется уберечь её от этих самых шишек! Ты, наверное, просто не в состоянии понять...

– Почему это? – Александр нахмурился.

– Ну, ты же... – она смутилась. – Ладно, забудь. Меня что-то не в ту степь понесло.

– Понятно. Хотела в очередной раз ткнуть меня носом

в то, что Дашка мне не родная? – холодно уточнил Белецкий.

– Ну прости, Саша, прости, – трусливо заюлила Анжела. – Я вовсе не это имела в виду. Ты для неё – самый что ни на есть родной отец, а я ляпнула, не подумав...

– Ладно, – вздохнул он, чувствуя внезапно навалившуюся усталость и уже мечтая закончить тяжёлый разговор. – Если Дашка здесь объявится, я сразу же дам знать. Ну и ты держи меня в курсе. Периодически проверяй, не включила ли она телефон. Я тоже буду звонить...

– Спасибо тебе, Саша, – торопливым заискивающим тоном произнесла она. – Пока, до связи.

Он снова глубоко вздохнул. Настроение Анжелка ему всё-таки подпортила. Вот же талант у человека – брякнуть какую-нибудь гадость, а потом извиняться.

Без особой надежды он набрал Дашин номер. «Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – сообщил ему равнодушный автоматический голос. Куда же её понесло, дурынду? Ночь на дворе...

Александр Белецкий и Анжела Климова поженились ещё студентами.

Они никогда не были влюблены друг в друга – просто однокурсники и хорошие приятели, не более того. В один и тот же период оба пережили не очень удачные романы: Александр любил девушку, которая не отвечала ему взаим-

ностью, а Анжела встречалась с женатым, который ничего ей не обещал. Думая привязать к себе любовника навеки, Анжела, как и многие глупые наивные девчонки, постаралась «залететь». Однако её благоверный, узнав о беременности, устроил скандал, угрожал и требовал немедленно решить проблему. Она металась, ревела, трусила делать аборт, но растить ребёнка без отца тоже боялась. Александру стало жаль дурёху...

Отчасти из этого чувства жалости, отчасти назло девице, которая пренебрегла его чувствами, он и предложил однокурснице разумный, как ему тогда казалось, выход из положения – расписаться. Этакий благородный жест: разочаровавшийся в любви юный джентльмен спасает честь опозоренной леди.

То, что их брак – ошибка, стало понятно чуть ли не в загсе. Но отступать было поздно, стыдно, да и некуда. Все были уверены, что Белецкий – отец будущего Анжелкиного ребёнка, и когда Даша родилась, он покорно продолжил играть выдуманную роль. Постепенно Белецкий и сам привязался к девочке, полюбил её, искренне считая своей дочерью. О том, что по крови они чужие, не был в курсе никто, даже его мать – она никогда не приняла бы неродную внучку. Тем более, к невестке она симпатии не испытывала и брак сына никогда не одобряла.

Они довольно скоро развелись, но Александр продолжал регулярно видеться с дочерью, забирая её к себе на выходные

или каникулы. Он был для Даши кумиром, центром Вселенной... Возможно, потому, что, в отличие от непутёвой матери, отец стал настоящей суперзвездой отечественного кинематографа, и девочка смотрела на него с гордостью и восхищением.

Белецкий был нереально, сумасшедше талантлив. На его спектакли ломилась публика, а все фильмы с его участием становились дико популярными: уже одно его имя в титрах было залогом будущего успеха. К тому же, природа одарила Белецкого ещё и яркой внешностью – такой, что люди оборачивались бы ему вслед, даже не будь он актёром. Помимо красоты, в нём было ещё и то, что принято называть «породой» – стать истинного аристократа, принца голубых кровей, благороднейшего из смертных.

Даше льстила известность родителя – это позволяло ей держаться в школе независимо и чуть свысока не только со сверстниками, но даже с учителями. Все одноклассницы хотели с ней дружить, жадно расспрашивая об отце и бесстыдно напрашиваясь в гости, чтобы хоть одним глазком взглянуть на знаменитого артиста вживую. Да что там одноклассницы – даже директриса предклимактерического возраста, заливаясь стыдливым девичьим румянцем, периодически нерешительно намекала: мол, что это у тебя, Дашенька, всё мама да мама на родительские собрания ходит, пора и папе как-нибудь выбратся.

Пару раз Белецкий организовывал для Дашиного класса

культпоходы в собственный театр; иногда уступал настойчивым приглашениям и устраивал в дочкиной школе что-то вроде творческого вечера. В столовой, служившей также актовым залом, раздвигали в стороны все столы, украшали помещение живыми цветами и воздушными шариками, торопливо создавали импровизированную стенгазету, посвящённую творчеству актёра и украшенную вырезками из журналов. В зале невозможно было протолкнуться – народу набивалось под завязку. Белецкий восседал посреди сцены на директорском стуле, изящно положив ногу на ногу, и терпеливо отвечал на вопросы, которые ему передавали на листочках смущённые и взволнованные зрители. Впрочем, содержание этих записок не блистало разнообразием: через одну следовали признания в любви с номерами телефонов, причём нельзя было с уверенностью утверждать, писала ли это школьница или какая-нибудь учительница начальных классов. Выдержав час-полтора добровольной пытки, Белецкий галантно целовал ручку млеющей директрисе и с облегчением откланивался.

Само собой, у него не было отбоя от женщин. После развода с Анжелой он, уже не скрываясь, завязывал многочисленные романы и романчики с партнёршами по съёмочной площадке или спектаклям. Затем, затосковав по теплу семейного очага, Белецкий снова попытался построить серьёзные отношения – сделал предложение телеведущей Екатерине Вавиловой. Этот союз тоже оказался кратковременным,

поскольку они с Катей были совершенно разными людьми. Однако во время скоропостижно скончавшегося брака всё-таки успел вскрыться не слишком приятный факт: оказывается, Александр не мог иметь детей. Вернее, его проблемы требовали длительного и дорогого лечения, лучше всего за границей, без которого вероятность зачать ребёнка сводилась практически к нулю.

Белецкий принял своё бесплодие как данность и со временем даже перестал сожалеть об этом. У него уже была дочь – Дашка, любимая, непосредственная, славная девчонка, и он набил бы морду любому, кто попытался бы её обидеть. То, что они не родные, в конце концов совершенно стёрлось у него из памяти. Она была его дочерью – и точка. Посторонние люди с лёгкостью находили у них общие черты, несмотря на то, что чисто внешнего сходства там не наблюдалось. Но Даша тоже была красавицей, да и статью походила на Белецкого – такая же тонкая, благородная и изящная, в отличие от обрюзгшей, рано потерявшей форму и не следящей за собой матерью.

Раздался звонок домофона. Александр облегчённо выдохнул и улыбнулся сам себе – вот и блудная дочь заявила! Поднявшись с кресла, он двинулся в прихожую, ни на секунду не сомневаясь, что это именно Даша. Опережая его, из глубины квартиры выскочил Риф – длинношёрстный кол-

ли, красавец, баловень и любимец Александра – улыбаясь во всю пасть и заранее молотя хвостом от нетерпения.

Домработница открыла дверь и впустила в квартиру на-
супленную, разобиженную на весь мир строптивую девчон-
ку.

– Привет, пап, – шмыгнув носом и пряча взгляд, хмуро проговорила дочь. – Можно, я сегодня у тебя переночую? Фу, Риф, перестань! – засмеялась она, не в силах больше сохранять суровость, в то время как пёс поставил передние лапы Даше на плечи и принялся неистово вылизывать её лицо.

Александр попытался изобразить спокойствие. На са-
мом-то деле больше всего на свете сейчас ему хотелось отчи-
тать своё непутёвое дитя за сумасбродство – и одновремен-
но обнять, от всей души взлохматить ей волосы и чмокнуть
в макушку.

– Ты без звонка, – заметил он. – А если бы я был на съём-
ках или вообще не в городе, куда бы ты подалась в два часа
ночи?

– Ну, тётя Глаша-то по-любому дома, – махнула рукой
Дашка, другой рукой почёсывая гриву балдеющему Рифу. –
А мобилу я спецом отключила, чтобы не беспокоили... неко-
торые.

– Некоторые – это мама? – безжалостно уточнил он. – То
есть, она не в курсе, где ты болтаешься ночами?

Губы у Даши трогательно и артистично задрожали.

– Я не вернусь домой, – отозвалась она, опустив голову

и снова шмыгнув носом. – Видеть её не могу. Я её ненавижу!

– Да-да, я в курсе, – холодно подтвердил Белецкий. – Ненавидишь и желаешь ей сдохнуть. Право, Даш, от тебя я такого не ожидал. Детский сад какой-то. Некрасиво и глупо. Тем более, по отношению к собственной матери.

– Настучала уже? – Даша недобро прищурилась. – Я так и знала!

– А что ей ещё оставалось делать? Она там с ума сходит, пока ты бунтуешь и показываешь характер.

– У неё, между прочим, характер тоже далеко не сахар, – буркнула дочь.

– Согласен. Но мы все не идеальны. Мать у тебя одна, другой не будет.

– Да лучше бы и этой не было! – в запале, на эмоциях выпалила Даша. – Она абсолютно невыносима! Даже ты не смог с ней жить, потому что...

– Замолчи! – резко оборвал её Белецкий. – Наши с ней проблемы – дело не твоего ума. Какие бы у нас с мамой ни были отношения, мы оба – твои родители. Мы несём за тебя ответственность, переживаем за тебя...

– Пап, может, хватит лекций? – бесцеремонно перебила она, с досадой сморщив нос, и зябко поёжилась. – Я вообще-то дико замёрзла и ноги промочила, по улицам уже несколько часов брожу. Можно, я хоть согреюсь и переоденусь?

Он опомнился. И в самом деле – нашёл время читать но-

тации, идиот... Самое главное, Дашка жива и здорова.

– Ладно, – он потёр виски, – и в самом деле, не сейчас... Но мы с тобой ещё вернёмся к этому разговору, – добавил он строго, чтобы она не расслаблялась.

– Через полчаса буду готова к тому, чтобы ты вёл среди меня разъяснительную работу, – съязвила она. Белецкий в ответ только шикнул:

– Быстро в горячую ванну!!!

Даша тут же повеселела, поняв, что прощена и всё обернулось для неё как нельзя удачнее.

– Так я у тебя поживу? – умильно взглянув на него нахальными ясными глазами, уточнила она. Белецкий нахмурился.

– Вообще-то, поначалу речь шла всего лишь о ночёвке...

– Ну, не выгонишь же ты родную дочь на улицу в ночь холодную! – она совсем развеселилась. – Пап, я не буду тебе мешать, честно-честно! И по поводу своей личной жизни можешь не беспокоиться: приводи сюда кого хочешь и спи с кем хочешь, я же не против.

– Разговорчики! – приструнил он её, несколько ошарашенный.

– Не, ну а что? Я же всё понимаю... Буду сидеть у себя в комнате тише воды, ниже травы.

– А как же школа?

– Блин, пап, какая школа! У нас весенние каникулы целую неделю.

Что и говорить – она прекрасно всё рассчитала. Белецкий

только усмехнулся её бесцеремонности. Что ж, пусть поживёт пока... Это всяко лучше, чем выставить её вон – Дашка упрямая, к матери сейчас точно не вернётся, с неё станется кочевать по друзьям, а то и по чердакам или подвалам.

– Ну хорошо, – согласился он с притворной строгостью. – Тогда будешь трижды в день выводить Рифа на прогулку, а то тётя Глаша устаёт от беготни по двору и окрестностям. Ты у нас девица молодая и здоровая, ноги длинные... Должна же и от тебя быть хоть какая-то польза.

– Ок, договорились, – кивнула Даша, впрочем, несколько поскуцнев лицом. Судя по всему, она планировала вести у отца праздную, лениво-сытую жизнь, а теперь – вот досада! – придётся просыпаться с утра пораньше, чтобы выгуливать собаку.

– Тётя Глаша! – позвал Белецкий. – Осталось у нас что-нибудь от ужина? Разогрей и покорми эту бродяжку, пожалуйста.

– Бедная девочка, – пробормотала домработница, удаляясь в кухню. За ней тотчас же поскакал радостный Риф – никак снова пожрать дадут?..

Услышав, что в ванной щёлкнула дверная задвижка и полилась вода, Белецкий потянулся за телефоном – нужно было немедленно успокоить бывшую жену. И в этот момент он почувствовал, как кольнуло в сердце. А затем – ещё, и ещё... Он медленно опустился на стул, растирая левую сторону груди, и ощутил, как в висках начинает стучать, а к горлу под-

катывает тошнота.

– Тётя Глаша! – окликнул он негромко.

– Что, Санечка? – домработница показалась из кухни, вытирая мокрые руки о фартук.

– У тебя есть какое-нибудь сердечное лекарство?

Разглядев его побледневшее лицо, тётя Глаша встревожилась.

– Ох ты, боже мой... Сердечко прихватило? Я сейчас, сию минуту...

Она кинулась к своей сумке и зашуршала там, разыскивая нужное.

– Вот, возьми... Это нитроглицерин и валидол, положи обе таблетки под язык... Да что ж это такое, господи?

Сделав так, как сказала домработница, он на мгновение прикрыл глаза, ощущая во рту холодок лекарства. Сердце никогда раньше не беспокоило Белецкого, поэтому данная ситуация удивила и расстроила его не на шутку.

– Не суетись, тётя Глаша... – через силу выговорил он. – Сейчас всё пройдёт. Ничего страшного.

– Да как же «ничего страшного»? – озабоченно отозвалась она. – Ты, чай, не дед столетний, чтобы сердцем маяться! Наверное, из-за дочки переволновался...

Риф подошёл к хозяину, удивлённо потрогал его лапой – что, мол, с тобой происходит? – а затем деликатно положил свою умную узкую морду Александру на колени. Тот рассеянно потрепал пса по лохматой, как у льва, башке. Боль по-

тихоньку отступала.

– Ну вот и всё, – улыбнулся он перепуганной домработнице слегка занемевшими губами. – Будем жить!

Риф недоверчиво смотрел на него янтарными миндалевидными глазами, наклоняя голову то влево, то вправо.

– Ты бы, Санечка, съездил к врачу при случае, – робко посоветовала тётя Глаша. – Кардиограмму бы сделал... Мало ли, что там. Подстраховаться не помешает.

– Отставить панику, – он притворно нахмурился. – Говорю тебе, со мной уже всё хо-ро-шо. Я абсолютно здоров.

Домработница, громко и демонстративно ворча, удалилась обратно на кухню.

Виктория Белкина

– Тось, забудь ты про этот спор... Мне теперь самому смешно вспомнить, – Никита состроил умоляющую гримасу. Вероятно, весь его донжуанский опыт свидетельствовал о том, что эта моська должна растопить даже самое каменное женское сердце.

Вика поморщилась – партнёр слегка переигрывал – и изобразила в ответ праведную ярость детдомовской девочки Тоси:

– Смешно?!

– Ну... – он замешкался. – Противно!

– Противно?..

– Ну, совестно, – Никита раздражённо махнул рукой. – Не придирайся ты к словам! Лучше испытай меня, если не веришь.

– Ты что – трактор, чтобы тебя испытывать? Никогда я тебя не прощу, спорщик ты... Бабник! – Вика торопливой скороговоркой высказывала ему в лицо свои застарелые обиды. – Ненавижу тебя, не-на-ви-жу!!!

– Так, стоп, ребята! – Михальченко резко и раздражённо хлопнул в ладоши, прерывая репетицию. – Не то, не так... – поморщился он.

Вика с Никитой быстро переглянулись, недоумевая, чего ещё хочет от них Мастер.

Вот уже несколько недель они репетировали пьесу «Девчата», написанную по одноимённой повести Бориса Бедного, а решения спектакля до сих пор не находилось. Михальченко был постоянно недоволен, хотя и сам, похоже, не знал толком, чего он ждёт от своих дипломников. Вот и сегодня – время давно перевалило за полночь, а они ещё ничего толком не сделали.

– Не надо мне показывать кино, вы не Румянцева с Рыбниковом! – злился Михальченко. – Да, они превосходные артисты, талантливые и самобытные, но, в конце концов, создайте же *собственных* персонажей! Не надо пользоваться чужими готовыми наработками!

– Но, Алексей Яковлевич... – нерешительно протянул Никита, ища взглядом Викиной поддержки. – Ведь люди всё равно будут спектакль с фильмом сравнивать. Аналогий любому не избежать.

– А ты избегай, мой друг! – Михальченко возмущённо всплеснул руками. – Неужели у тебя взгляд настолько замылился, что ничего своего придумать не можешь? Я не спорю – фильм получился отличным, добрым, всенародно любимым... Но мы сейчас свой спектакль ставим! Вы ведь читали книгу?

– Читали, – вздохнула Вика.

– И какие лично ты сделала для себя выводы из прочитанного?

– Ну... – Вика старательно задумалась. – Книга полнее

раскрывает характеры персонажей.

– Так-так-так, с этого места поподробнее! Что ты можешь сказать конкретно о своей героине – о Тосе? – требовательно спросил Михальченко.

Вика пожала плечами и принялась неуверенно перечислять:

– Тося не такая уж наивная, как может показаться поначалу, и вовсе не идеальная, у неё куча недостатков. Она беспардонная, амбициозная, с хитрецей и огромным пробелом в образовании... Как говорит про неё мама Вера: «Сейчас в тебе всё перемешано – и хорошее, и плохое. Натощак даже не разобрать, чего больше».

– Именно так! – вполне удовлетворённый ответом, кивнул Михальченко, а затем ткнул пальцем в Лизу Старовойтову, самую красивую девушку на курсе. – А что ты мне скажешь о своей героине?

– Анфиска – не подлая и вовсе не стерва, как многие о ней думают, – бойко зачастила студентка. – Да, она красива и избалована вниманием мужчин, но и страдает от этого тоже. По идее, это очень несчастный и толком никем не понятый персонаж. Из-за ошибок прошлого ей приходится бросить любимого человека, который хочет на ней жениться.

– А что о своей героине нам поведаёт Варечка? – Мастер кивнул в сторону очередной юной актрисы. Та захлопала глазами, застигнутая врасплох, и нерешительно пролепетала:

– Надя, ну, она... некрасивая, неуверенная в себе...

– Совсем как ты! – тихо, но довольно ехидно вставил Никита, за что тут же получил подзатыльник от Вики.

– Можно мне сказать? – «Анфиса» подняла руку. – Мне кажется, Надя тоже не так однозначна. Она обнаруживает в себе стальной стержень, демонстрирует сильный характер... Ведь в финале она всё-таки уходит от старого и нелюбимого Ксан Ксаныча.

– Вот видите! – обводя довольным взглядом группу своих подопечных, подытожил Михальченко. – Каждый герой – это личность, индивидуальный образ, интересный и самобытный характер! Так какого же лешего вы все прицепились к киношным образам? У вас что, нет собственных эмоций и интонаций для роли?! Вы даже не пытаетесь соотнести с персонажами лично себя – тупо играете по чужим лекалам, и от этого ни герои вам ближе не стали, ни вы им.

Все понуро молчали, а Мастер, войдя во вкус, продолжал их безжалостно распекать:

– У нас с вами получается очень *правильный* учебный спектакль, – он выделил презрительной интонацией слово «правильный». – Всё сделано в соответствии с заветами наших великих мастеров. Вы не наигрываете, не рвёте глотку, создаёте вроде бы выпуклые образы... Но ни один из вас не выбивается из общего ансамбля. Всё в целом верно, понимаете, а жизни-то нет! Как-то без огонька.

– Ну... это же всего лишь дипломный спектакль, – робко посмел возразить кто-то из толпы.

Михальченко изменился в лице.

– Всего лишь?! Так вы считаете, что постановку выпускного курса нельзя судить по законам полноценного спектакля? Это, по-вашему, «недоспектакль», требующий снисходительного отношения? Цель показа – предъявить ваши таланты на суд серьёзных режиссёров и знаменитых театров, – он с горечью покачал головой. – Я-то думал, что вы у меня готовые артисты. Оказывается, заблуждался...

Он расстроено махнул рукой и замолчал. Студенты тоже пристыженно притихли.

Когда Алексей Яковлевич решил ставить «Девчат», коллеги и студенты очень удивились. Во ВГИКе традиционно напирали на старую добрую классику, особенно на Чехова. «Три сестры» одного выпуска удручающе наслаивались в памяти на другую постановку, выведенную на театральные подмостки парой лет ранее. Одни и те же интонации, одни и те же заезженные приёмы... Ну ладно, если не русская классика – то хотя бы советская, «Зойкина квартира» или «Утиная охота». Почему Михальченко выбрал повесть Бориса Бедного, известную только благодаря знаменитой экранизации? Кому вообще была интересна эта старомодная история – сейчас?

Мастер же доказывал, что многие проблемы, поднятые Бедным, остаются актуальными и по сей день. И в конце кон-

цов, сколько можно палить из крупных орудий? Почему бы не сделать постановку о простых человеческих отношениях, о дружбе и любви?

Ни для кого не было секретом, что спектакль он ставит специально под Вику Белкину. Его любимица, настоящая звезда курса, она уже успела засветиться в паре художественных фильмов, поэтому роль Тоси Кислицыной досталась ей без колебаний. Тем более, Вика была такая же маленькая, худенькая и энергичная, как её героиня. Белкина поступила во ВГИК почти в двадцать один год, заскочив буквально в «последний вагон», и была старше большинства своих однокурсников, но благодаря хрупкой тщедушной комплекции выглядела совсем девчонкой.

Красавчик Никита Берестов – вторая знаменитость курса – получил роль Ильи Ковригина. Имя и физиономия Берестова были знакомы многим: с младых ногтей он снимался в «Ералаше» и успел достаточно примелькаться на экране, а потом – ещё до поступления в институт – сыграл в историческом фильме о дворцовых переворотах. Блестяще исполнив роль самого юного коронованного императора России – Петра II – и поразив искренней пронзительной игрой даже строгих критиков, Никита тут же обзавёлся армией поклонниц.

Однако в жизни сам Берестов был совершенно не похож на своего киношного персонажа. Никакой загадочной отрешённости во взгляде, никакой романтической тоски – он то

и дело травил похабные анекдоты и сам же заливался хохотом. Девушки висли на нём пачками и было видно, что он воспринимает это как должное. В таланте отказать ему было нельзя, но Никита не делал ничегошеньки для того, чтобы как-то это развить. Всё по жизни давалось ему легко, он был везунчиком и знал это. Тусовки на родительской даче в Подмоскovie, пьянки с друзьями, травка и девочки интересовали его куда больше, чем учёба во ВГИКе. Он и выезжал-то все эти годы только за счёт своего сумасшедшего везения и недюжинного обаяния. Ну, и за счёт звёздного прошлого.

– Не обижайтесь, Алексей Яковлевич, – миролюбиво произнесла Лиза Старовойтова, выражая всеобщее мнение. – Конечно же, мы понимаем, что делаем самый настоящий, «взрослый» и серьёзный спектакль. Просто ничего пока не получается, вот и нервничаем. Да и устали все...

– Да, да, устали! – с готовностью подхватили остальные. – Час ночи уже, пора бы и по домам, не? У нас ещё несколько месяцев впереди, успеем!

Михальченко обречённо снял очки и потёр покрасневшую переносицу.

– Что ж... Я вас не держу, – сухо отозвался он. – Время действительно позднее. Дома хорошенько подумайте над своими ролями. Завтра продолжим.

Все с облегчением похватали свои вещи и моментально испарились, боясь, как бы Мастер не передумал. Вике было очень стыдно перед Алексеем Яковлевичем – она видела,

как у него болит сердце за будущий спектакль, как он волнуется и переживает. Но она и сама жутко устала... Стараясь не встречаться с Михальченко взглядом, Вика торопливо покинула учебный театр.

– Белкина, подвезти тебя? – окликнул её Никита, когда она выскочила из дверей института. – Поздно уже, метро закрылось.

– Надо же, какой заботливый, – усмехнулась Вика. – Это ты в роль Ильи вживаешься? Пытаешься произвести на Тосю хорошее впечатление?

Вообще-то Никита не был склонен к сантиментам и раньше не баловал Вику подобными щедрыми предложениями. Их отношения все эти годы строились на сарказме: они постоянно подкалывали друг друга, язвительно подшучивали и старались словесно поддеть. Откровенно говоря, в глубине души Вика считала Никиту довольно поверхностным пустым мальчишкой и балаболом. Поэтому тот факт, что он специально поджидал её сейчас, несказанно удивил.

– Да ладно, не бойся, не собираюсь я тебя насиловать, – улыбнулся он. – Реально беспокоюсь, как ты до дома доберёшься. Что ж тебя муж не встречает?

– Муж на хозяйстве остался, – пожала плечами Вика. – У нас же семеро по лавкам, забыл?

На самом деле, конечно же, она иронизировала. У них с Даней был только один ребёнок – сын Ваня, которому недавно исполнилось два года: ласковый, общительный и ве-

сѣлый малыш, умеющий моментально располагать к себе людей и беззастенчиво пользующийся этим в своих целях.

– Ну так что, поехали? – пропустив шутку мимо ушей, продолжал уговаривать Никита. Вика взглянула на него с удивлением: надо же, какой настойчивый... Неужто и правда переживает?

– Спасибо, Никитос, но не стоит ради меня пилить на другой конец Москвы. Я такси вызову. Подвези вон лучше... Варечку, – Вика кивнула в сторону однокурсницы, показавшуюся из дверей ВГИКа. – Она умрёт от счастья.

Никита покосился на тихонькую, серенькую, неуклюжую Варю. Та поймала его взгляд и вспыхнула. Никита еле заметно поморщился – то, что девушка влюблена в него ещё со времён вступительных экзаменов, не было секретом ни для него самого, ни для всего курса.

Впрочем, у Варечки тоже была своя гордость: неловко ссутулившись, она быстро заспешила прочь, всем своим видом демонстрируя, что не хочет никому становиться обузой, мешать и навязываться, и тем самым лишая Никиту шанса подбросить её домой.

– Эх, упустил своё счастье, горе-кавалер! – шутливо посоветовала Вика, а он уже тыкал пальцем в кнопки своего телефона, чтобы вызвать для неё такси, а потом остался ждать приезда машины.

– Хочу убедиться, что с тобой точно всё в порядке, – заявил он.

Вика только покачала головой:

– Что за приступ доброты и великодушия? Наверное, где-то землетрясение.

Такси приехало довольно быстро. Никита демонстративно записал номер машины и строгим голосом велел Вике позвонить, как только она доберётся до дома. Звонить она, разумеется, не собиралась, но на водителя это должно было произвести устрашающее впечатление, дабы он воздержался от всяческих вольностей.

Впрочем, предосторожности оказались напрасными: водитель узнал Вику и страшно обрадовался, что ему выпала честь отвезти домой самую настоящую актрису. С ней это случалось нечасто, но иногда такие «узнавания» были очень вовремя и играли ей на руку. Так и теперь – воодушевлённый паренёк даже отказался брать деньги, только робко попросил разрешения сделать с Викой селфи на свой мобильник.

Когда она добралась домой, было уже два часа ночи. Разумеется, Данила встретил её в некотором раздражении.

– Позвонить ты, само собой, не додумалась, – упрекнул он Вику, открывая дверь. – Как и проверить список пропущенных вызовов...

– Ой! – она стукнула себя по лбу. – Данечка, прости, пожалуйста! Мы репетировали и я отключила звук на телефоне, а потом и вовсе забыла про него...

– Ну конечно. Что тебе такая мелочь, как волнующийся муж, – ворчливо отозвался он. – А я тут места себе не нахожу, и самое паршивое – даже не могу за тобой заехать, потому что Ванька спит, не оставлять же его одного!

– Ну прости, прости, милый, – она прижалась к нему, обняла и поцеловала в щёку. – Я безумно устала и от этого плохо соображаю. Ванечка давно уснул?

– Конечно. Уже десятый сон видит...

– А ты сам во сколько домой вернулся?

– В половине одиннадцатого. Тоже сегодня вернулся позже, чем рассчитывал. Няню тут же отпустил, пришлось заплатить ей за переработку... Она как раз Ваньку спать укладывала, – Данила не сдержался и широко улыбнулся.

– Что такое? – заинтересовалась Вика, стаскивая с ног сапоги. – Какой-нибудь очередной перл выдал?

– Да увидел меня, с кровати прыгнул – и орёт: «Папа, я хочу тебя *обнимить!*» А Наталья Ивановна ему говорит – нельзя, мол, детям ночью по квартире бегать, в тёмном углу баба Яга прячется...

– Идиотка, – в сердцах выдохнула Вика. – Только запугиваний Ване и не хватало!

– Запугаешь его, – Даня уже с трудом сдерживал смех. – Этот храбрец ей тут же выдал: «А папа *взянет* веник и бабу Ягу побьёт!»

Вика улыбнулась.

– Да уж, бабой Ягой его не проймёшь... Зато недавно уви-

дел в книжке портрет Гоголя и говорит мне: «Ой, какой дядя *стлаиный!*»

Данила рассмеялся, а затем, бросив потеплевший взгляд на Вику, спохватился:

– Малыш, ты же голодная, наверное?

– Ужасно, – созналась Вика. – Слона готова сожрать!

– Ну, ты пока мойся-переодевайся, а я тебе пельмени сварю, хочешь? – предложил он.

– Спасибо, Данечка. Было бы здорово! – выдохнула она с признательностью.

На кухне, устроившись в уголке за столом и согревшись, Вика почувствовала, что её неумолимо клонит в сон. Данила колдовал над бульоном для пельменей, бросая туда то лавровый лист, то несколько горошин чёрного перца, то какие-то пахучие грузинские приправы.

– Ты прямо как твой дедушка, – засыпающим голосом пробормотала разомлевшая Вика. Покойный дед Данилы, Анатолий Иванович, был поваром, но даже выйдя на пенсию, продолжал баловать домашних всевозможными кулинарными изысками: Вика до сих пор не могла забыть вкус его необыкновенных блинов, томлёных в сметане, а также лапшевника, курника, ватрушек с малиной...

Ей посчастливилось пересечься с легендарным дедулей лишь однажды, когда она приезжала к Дане на его малую ро-

дину, в Ялту. Это было четыре года назад. Она только-только поступила во ВГИК, и их отношения с Данилой находились в самом зачатке. Тогда же Вика впервые в жизни увидела море. А ещё в то необыкновенное лето с ней случилось такое, что воспоминания до сих пор заставляли её щёки краснеть...

Вика сердито встряхнула волосами, отгоняя будоражащие картинки из прошлого. Однако подсознание уже услужливо подсунуло ей образ: чёрные шелковистые волосы, небрежно падающие на высокий ровный лоб; пронзительные синие глаза, глубокие, как море, в еле заметных лучиках улыбчивых морщинок; рот и губы идеальной формы, прямой красивый нос... «Чёрт бы тебя побрал, Белецкий!» – выругалась Вика мысленно, чувствуя, как всю её опалило жаром. Реакция на мысли об Александре была чисто физиологической, и она не могла этого не понимать. У неё давно уже не осталось чувств к нему, всё перегорело. Однако при воспоминании о тех ночах, что они провели вместе, Вику словно начало кружить в водовороте гормональной бури. Ей больше никогда и ни с кем не было так хорошо, как с ним... И так плохо.

В то злополучное лето Александр Белецкий приехал в Ялту на съёмки исторического фильма «Печаль минувших дней». Вика и Данила подружились со съёмочной группой и весело проводили время все вместе, большой актёрской тусовкой, но, к своему ужасу и стыду, Вика поняла, что отчаянно влюбилась в красавца-артиста с первого взгляда. И это

при том, что она приехала в Крым в качестве Даниной официальной девушки, пользовалась его гостеприимством, жила в его доме и ела его хлеб! Она долго боролась с этими непрощенными чувствами, морально лупцуя саму себя по физиономии, и старалась ничем не выдать вспыхнувшей страсти. Впрочем, Белецкий и в самом деле ничего не замечал – ему не было до Вики особого дела, в тот период он крутил роман со своей партнёршей по фильму, роковой красоткой Марией Золотовой.

Да, Вике удалось его соблазнить далеко не сразу. Это случилось много месяцев спустя, уже в Москве. Жёлтые СМИ тогда долго перемывали косточки всем героям этой истории: скандал, скандал! Прямо во время светской вечеринки начинающая актрисулька бросила своего бойфренда Данилу Стрельникова и сбежала с сердцеедом Белецким!..

Впрочем, и с Александром они вместе долго не продержались. Это была любовь-отчаяние, любовь-боль. Иногда Вика думала, что лучше бы им с Белецким никогда не встречаться... но тут же одёргивала себя: всё в этой жизни посылается нам для чего-то. «You live you learn, you love you learn, you cry you learn, you lose you learn, you bleed you learn, you scream you learn», – пела Аланис Мориссетт. Живёшь – и учишься, любишь – и учишься, плачешь, теряешь, истекаешь кровью и кричишь – и всё время чему-то учишься... Что ж, Вика – актриса. Благодаря Белецкому она теперь знает, как играть любовь. Во всех её, даже самых отвратительных, проявлени-

ях.

– Совсем засыпаешь? – сочувственно спросил Данила, увидев, что она низко опустила голову. Вика подняла на него виноватые глаза и еле заметно кивнула. Ей было невыносимо стыдно, словно муж застал её за чем-то непристойным. Но ведь она по-настоящему любила Данилу и была верна ему...

– Уже почти готово, – сообщил муж. – С чем ты будешь есть? Со сметаной?

– Да, пожалуйста... – отозвалась она еле слышно, всё ещё не в силах стряхнуть наваждение.

Данила бахнул перед ней на стол глубокую мискупельменей, исходящую паром, с благоухающим бульоном. Эта порция была способна утолить голод даже роты солдат, так что Вика не выдержала и засмеялась:

– Зачем столько?

– Ну, ты же сказала, что готова сожрать целого слона, – невозмутимо отозвался он и, наклонившись, поцеловал её в макушку. – Ладно, ты ужинай, приятного аппетита, посудомойку потом сам загружу, а сейчас я в душ.

Спустя полчаса, выйдя из ванной комнаты, Данила заглянул на кухню и обнаружил там следующую картину: положив голову на скрещенные руки возле миски с недоеденными и давно остывшими пельменями, Вика крепко и безмятежно спала.

Галина Тесленко

Прослушивание в «Останкино» Галинка запомнила весьма смутно, словно это всё происходило не с ней, а с кем-то посторонним.

Ей вообще до последнего не верилось, что она наконец в Москве. Она никогда прежде не бывала в столице, несмотря на то, что с этим городом было связано множество наивных и романтических мечтаний. Сколько бессонных ночей она провела, думая о том, как однажды приедет-таки сюда!..

Однако, получив в феврале официальный конверт от главного телеканала страны с приглашением на кастинг, Галинка так растерялась, что даже забыла обрадоваться. А обрадоваться, пожалуй, стоило – её отобрали из тысяч других участников... её зовут на музыкальное шоу «Голос России»!

Вернее, начиналось всё, конечно же, не с этого.

Перед самым новым годом Галинка услышала по телевизору объявление о кастинге на новый сезон популярного вокального проекта... и зачем-то заполнила анкету на их сайте, не веря в успех ни секунды. Она с детства любила петь – особенно хорошо удавались ей украинские народные песни, которые частенько напевала мама. Но Галинка понимала, что едва ли в шоу подобного уровня берут людей с улицы, и предполагала, что там всё давно уже схвачено: попадают в проект только свои, по благу или за большие деньги. Одна-

ко, благоразумно рассудив, что ничего не потеряет, Галинка всё же отправила небольшой рассказ о себе, присовокупив лучшую фотографию и аудиофайл с любительской записью своего пения.

Получив пригласительное письмо от руководства телешоу, Галинка не сразу осмелилась поверить в то, что ей улыбнулась удача. Приехать на прослушивание нужно было уже через неделю, поэтому она спешно кинулась покупать билет. Пришлось лететь самолётом: если раньше по маршруту «Симферополь – Москва» ещё ходили поезда, то после известных событий стала возможна только сложная многоходовка со сменой автобусов и поездов, переправой на пароме в Керчи и прочими неудобствами. Говорили, что можно приобрести некий «единый билет», но что это такое, никто из её знакомых толком не знал, а рисковать Галинка не хотела.

Мать наблюдала за её лихорадочными сборами с явным осуждением. В последний год отношения у них заметно разладились. Галинка осознавала это с горечью, потому что прежде они с мамой были лучшими подружками, самыми родными, дорогими и близкими друг другу людьми. Тётя Ксана, как к ней обращались все соседи от мала до велика, души в Галинке не чаяла, называя дочку исключительно ласкательными прозвищами: Галюсей, кицюней, донечкой и сонечком. Девочка была её отрадой, поздним и единственным ребёнком. Муж ушёл, когда малышке не было и года – вот

мать и вложила всю свою нежность в обожаемую кровиночку...

Теперь же тётя Ксана держалась с дочерью холодно и отстранённо – как бы нелепо и смешно это ни звучало, они не сошлись на политической почве. Мать категорически не одобряла присоединения родного Крыма к России, дочка же вскоре получила российский паспорт. Вот так в одной семье столкнулись две крайности – люди с диаметрально противоположными взглядами.

Когда Галинка пинками и ударами кулаков уминала в разбухшую дорожную сумку свои нехитрые пожитки, безжалостно вываливающиеся наружу, мать всё же разомкнула полосу поджатых губ и сухо осведомилась:

– Коли повернешся?¹

Она всегда разговаривала с дочерью по-украински, несмотря на то, что прекрасно знала русский язык. Это было принципиально. Галинка училась русскому самостоятельно – во дворе с подружками, в детском саду и в школе, слушая пластинки и бегая в кино... Они с матерью без проблем понимали друг друга, каждая разговаривала на том языке, на котором ей было комфортнее. Теперь же, на почве геополитических разногласий, *рідна мова*² матери стала носить подчёркнуто демонстративный характер.

– Если не пройду кастинг, то сразу же назад, – отозвалась

¹ «Когда вернёшься?» (укр.)

² Родная речь (укр.)

Галинка. – А если меня отберут для дальнейшего участия, то останусь до тех пор, пока не вылечу из проекта.

– А як же інститут?³

– Академку возьму, – легко отмахнулась она. – Подумаешь, делов-то!

По лицу тётки Ксаны было видно, что она категорически не одобряет эту затею. Но спорить с непокорной дочерью она не собиралась, лишь снова оскорблённо поджала губы. Галинка заметила эту гримасу и украдкой вздохнула: мама, мамочка... ну почему же мы с тобой не можем понять друг друга? Зачем ссориться из-за этой дурацкой политики?

Галинка обожала мать, и ничто, даже бесконечные споры на тему «Крым ваш – Крым наш», не могло поколебать эту любовь. Но как же обидно, как больно и тяжело теперь ей было от непонимания! Раньше тётка Ксана поддерживала её во всём безоговорочно. А теперь дочь даже не могла толком объяснить, что ей не интересна учёба в институте. Она совершила ошибку, поступив туда, и, пока не стало поздно, нужно было попробовать найти себя в чём-то ином.

Но сначала... сначала нужно было поехать в Москву. Галинка боялась признаться в этом даже самой себе, но так отчаянно жаждала этой поездки ещё и потому, что где-то там, в равнодушно-глянцевой столице, жила её первая и (чего лукавить!) единственная любовь...

³ «А как же институт?» (укр.)

В то далёкое лето Галинка отдыхала в Артеке: получила путёвку от администрации за своё активное участие в городской самодеятельности. Она уже тогда пела на праздничных концертах, и всем ялтинцам была знакома эта миловидная ясноглазая девчушка в венке с лентами – от горшка два вершка, но исполняющая украинские песни так чисто и трогательно, что на глаза невольно наворачивались слёзы умиления.

В лагере маленькой Галинке не понравилось. Ей только что исполнилось восемь лет, она попала в самый младший отряд, и, поскольку никогда прежде не уезжала из родного дома и не разлучалась с мамой так надолго, Артек показался ей тюрьмой. Всё то, чему радовались остальные дети – прекрасная южная природа, чистейшее прозрачное море, ракушки причудливых форм, вкуснейшие фрукты – было для неё, коренной крымчанки, знакомо и привычно с младенчества. На неё не производили впечатления ни величественные скалы, вздымающиеся из воды, как диковинные исполины (ребят смешило, что скалу Шаляпина Галинка называла исключительно «Шаляпкой», как все местные), ни вековые кедры, сосны и кипарисы на территории лагеря, ни живописнейшие пляжи.

Больше всего удручало купание по свистку – в огороженный крохотный пятачок моря детей запускали на десять-пятнадцать минут. Галинка, выросшая на побережье и чувству-

ющая себя в воде и под водой, как рыба, не получала от подобного купания ни капли удовольствия.

Единственное, что несколько примиряло её с действительностью – это лагерные дискотеки, или «массовки», как они здесь назывались. Дети повторяли определённый набор движений за своими вожатыми, разучивая новые танцы, и это было куда интереснее, чем просто дрыгаться под музыку кто во что горазд. Галинке нравилось синхронно танцевать вместе с остальными: она была не только музыкальной, но и пластичной от природы, и потому выгодно выделялась в толпе.

Иногда на массовки тайком пробиралась местная гурзуфская шпана, знающая каждую лазейку и дыру в лагерном заборе. Пришельцев легко было отличить от артековцев, одетых в форменные синие шорты и белые рубашки. Чужаки не лезли в тусовку – они скромно приплясывали в стороне, неумело пытаясь повторять движения, и поглядывали на артековцев, как на небожителей, блюдя почтительную дистанцию. Те же смотрели на местных, как на деревенских идиотов: свысока и с оттенком жалости, постигая детской душой свою исключительную избранность. Одна лишь Галинка завидовала пришельцам – они-то, в отличие от неё, были свободны...

Девочка жила от воскресенья до воскресенья, в ожидании родительского дня. И дело было даже не в том, что мама привозила ей всякой вкуснятины из дома – в конце концов,

кормили в лагере тоже неплохо. Просто она ужасно скучала по матери... У большинства детей из её отряда родители жили далеко и не приезжали вообще ни разу. После визита родительницы Галинкины акции в глазах остальных ребят тут же взлетали – она великодушно угощала подружек вафлями, пряниками и зефиром.

А однажды в Артеке отключили воду, и родительский день был перенесён на вторник. Мама не могла знать об этом. Приехав на топике⁴ из Ялты и уткнувшись носом в закрытые ворота, тётя Ксана, ничтоже сумняшеся, полезла прямо через лагерное ограждение.

Галинка глазам своим не поверила, когда во время тихого часа увидела в окно мать, нагруженную кошёлками и шествующую по дорожке в тени кипарисов. Ещё в больший шок она пришла, когда узнала о способе проникновения на территорию лагеря. Чтобы её неспортивная и полноватая мама карабкалась через забор?!

– Що ж тепер – назад їхати?⁵ – рассудительно заметила тётя Ксана в ответ на Галинкин немой вопрос, а затем крепко, от души, обняла дочку. В этом была она вся: и её характер, и принципы. Девочки – соседки по комнате – смотрели на них с плохо скрываемой завистью.

– Пойдём, посидим где-нибудь на территории... – Галинке неловко было обсуждать свои домашние дела на глазах

⁴ *Топик* (также «рафик» или «богдан») – маршрутки в Крыму

⁵ «Что ж теперь – назад ехать?» (укр.)

у посторонних. К тому же, ей не терпелось разворошить материнские кошелёки.

Лагерные правила были для Галинкиной мамы нипочём – если она решала, что дочурка должна непременно откусать копчёной курочки, то везла ей эту самую курицу и плевать хотела на то, что подобная еда в Артеке была строго запрещена. Это тоже характеризовало её весьма показательно: она не зависела ни от каких официальных предписаний и поступала только так, как сама считала нужным.

– Їж все зараз, моє сонечко,⁶ – подбадривала тётя Ксана, поглаживая Галинку по голове, пока та терзала зубами смуглое копчёное крылышко.

Доев курицу, девочка с удовольствием принялась за мороженое – мама привезла его в термосе, чтобы оно не растаяло. А ещё были персики и холодная газировка – подружки в отряде обзавидуются!..

Но Галинка недолго чувствовала себя триумфаторшей. В тот же день, сразу после полдника, с ней случился, как выразилась бы современная молодёжь, эпик фейл – то есть, сокрушительный провал.

На полдник давали её любимые булочки с повидлом. Галинка обожала их с малышоваго возраста: день, когда в детсадовской или школьной столовой появлялись эти самые булки, был для неё праздником. Но она так объелась во время встречи с матерью, что для заветной булочки в желудке

⁶ «Кушай всё сразу, моё солнышко» (укр.)

совершенно не осталось места. Забирать еду из столовки было запрещено. Галинка долго боролась с собой, и в итоге, даваясь, всё-таки запихнула в себя ароматную сладкую сдобу.

Ей моментально стало нехорошо, и она поняла, что булочка всё-таки была лишней. Выйдя на улицу, Галинка осознала, что дурнота не проходит, а наоборот усиливается. В ту же секунду она рухнула на колени, и её начало рвать прямо на землю.

– Тесленко блюёт!!! – радостно загоготали пацаны из её отряда. Девочки же сморщили носы и брезгливо протянули:

– Фу-у, гадость...

Галинка готова была провалиться от стыда. Лицо её покраснело, из глаз сами собой брызнули слёзы. Как было бы хорошо, если бы в эту секунду её поразила молния, чтобы не слышать больше насмешек и оскорблений...

Девочку всё ещё мутило и продолжало выворачивать наизнанку, когда атмосфера вокруг неё вдруг изменилась.

– А ну-ка, прекратили ржать! – раздался рядом суровый голос. Хохот и подколки моментально стихли. Через секунду Галинка почувствовала, что кто-то осторожно поддерживает её голову во время рвотных спазмов.

– Ну, вот и всё. Легче тебе? – услышала она сочувствующий вопрос. Но только подняв глаза на неизвестного спасителя, она, наконец, узнала его – это был Данила, её ялтинский сосед.

Он, конечно, казался ей ужасно взрослым – в то лето ему

как раз стукнуло шестнадцать. Галинка не водила дружбы с такими большими мальчишками. Точнее, это мальчишки не удостаивали своим вниманием подобных ей малолеток. Но их дома были совсем рядом, и мама частенько болтала о каких-то житейских мелочах с Даниными родителями и де-душкой.

Поймав её страдающий взгляд, Данила наконец тоже узнал девчонку.

– Чем же ты траванулась, соседка? – вздохнул он понимающе. – Фрукты немые ела? Или овощи? Хотя откуда ты могла их взять...

– Я... не отравилась... – выдавила Галинка еле слышно. – Просто переела.

– Ладно, пойдём, – он протянул руку, помогая ей подняться. – Тебе нужно умыться хорошенько.

Она встала, и Данила стряхнул большими горячими ладонями с её худеньких расцарапанных коленок комья земли. Взрослый пацан из старшего отряда сделал это на глазах у всех!!! Окружающие почтительно замерли. Никто не решился больше ни насмеяться, ни кривить физиономию в Галинкину сторону – за пару мгновений она возвысилась от всеобщего пугала до персоны, которой можно было только позавидовать.

Данила отвёл девочку к умывальнику и самолично, набирая в пригоршни холодной воды, вымыл ей лицо, а затем заставил прополоскать рот. Озабоченно приложив ладонь к её

лбу, он задумчиво протянул:

– Температуры, вроде, нет... Значит, ты уверена, что это не отравление? А живот не болит? Может, проводить тебя в медпункт?

– Нет-нет, – замотала головой она. – Ничего не болит, и не тошнит больше. Правда... – и она осмелилась поднять на него робкие благодарные глаза.

– Ну тогда возвращайся в отряд, пока тебя не потеряли, – он ласково и ободряюще улыбнулся ей в ответ. – Если кто-то будет тебя обижать, – добавил он деловито, – сразу говори мне. Я им всем бошки поотрываю!

Больше всего на свете Галинка боялась разболеться перед кастингом. Она как-то упустила из виду разницу климатических условий Крыма и Москвы: мартовская столица встретила девушку нулевой температурой, и она дрожала в своей короткой курточке на пронзительном ветру, стоя в очереди на прослушивание. А очередь была не просто большой – она была огромной, и растянулась извивающейся змеей от концертного зала «Останкино» едва ли не на километр.

Галинка заметила эту жуткую очередь сразу же, едва сошла на трамвайной остановке, и настроение у неё моментально испортилось. Не то чтобы она тешила себя иллюзиями относительно собственной исключительности – понятно, что письмо с приглашением пришло не только ей. Но всё же

Галинка впервые всерьёз задумалась о масштабе той авантюры, в которую ввязалась.

Вздохнув, она поволокла свою дорожную сумку в конец очереди. Было тяжело, и она сто раз пожалела о том, что не купила нормальный чемодан на колёсиках.

– Девушка, вам помочь? – услышала она приветливый голос и уже открыла была рот, чтобы немедленно послать непрошенного помощника, но собеседник продолжил:

– Вы ведь на кастинг, да? – и она сразу расслабилась, поняв, что это явно был кто-то из *своих*.

– Давайте вашу сумку, – радушно предложил парень. Поколебавшись, Галинка всё-таки позволила ему забрать у неё свою тяжёлую ношу. Тот подхватил сумку одной рукой, а другой протянул Галинке вкусно пахнущий промасленный пакет:

– Угощайтесь, пожалуйста! Там пирожки. Стоять ещё долго, мы тут с пяти утра торчим...

– С пяти утра? – ахнула Галинка. – А что, очередь совсем-совсем не движется?

– Движется помаленьку, – он пожал плечами. – Да вы берите, берите пирожки, они свежие, ещё горячие, я только что купил.

Галинка перекусила в самолёте, но с тех пор прошло уже довольно много времени, и она почувствовала, как буркнуло у неё в животе. С благодарностью сунув нос в пакет, она вытянула круглый румяный пирожок и с наслаждением впи-

лась в него зубами.

– М-м-м, как вкусно! – промычала она. – А вы мештный или приежжий?

– Из Ташкента, – парень махнул рукой. – Да я не сам прослушиваться иду, просто девушку свою сопровождаю... А за вас никто поболеть не приехал? Вы вообще откуда?

Галинка вздохнула.

– Из Ялты. Но если вы сейчас начнёте пытаться меня на предмет «чей Крым», то честное слово, я...

Он удивлённо и даже с некоторой опаской покосился на неё, словно на буйно помешанную.

– Это ваши политические проблемы, при чём к ним Узбекистан?

– Простите, – опомнилась Галинка. – Простите, пожалуйста. Видимо, просто накипело... сил уже нет об этом говорить, сил нет это обсуждать, сил нет спорить. Ни в жизни, ни в интернете.

Ей действительно было неловко. Она дико устала, подосознательно постоянно ожидая подвоха, и поэтому, находясь в неослабевающем нервном напряжении, кидалась на собеседников первой почём зря. Но, боже милостивый, если люди даже внутри одной-единственной семьи не могут договориться между собой, чего можно ожидать от посторонних?!

– Простите меня, – тихо и виновато повторила она, чувствуя себя чудовищем. – Забудьте весь тот вздор, что я болтала.

– Пису – пис! – отшутился парень, но потом всё же благоразумно растворился в толпе, и она даже не могла винить его за это.

Пристроившись в хвосте очереди, Галинка уныло прикинула, что прослушивание, похоже, растянется на целый день. И почему она не догадалась взять с собой книгу или хотя бы журнал?! Но гораздо сложнее было выносить холод. Чтобы хоть немного согреться, Галинка принялась прыгать с одной ноги на другую, однако тут же черпнула мокрого снега в правый ботинок, на котором чуть-чуть отошла подошва. «Вот только простудиться мне не хватало...» – подумала она сердито.

Галинка берегла связки перед прослушиванием, и её несказанно удивляли другие участники кастинга – они бурно общались между собой, спорили, кричали и хохотали во всё горло, не заботясь о том, что могут сорвать голос ещё до того, как зайдут внутрь.

Заветная цель, тем не менее, потихоньку приближалась. К обеду до входа осталось всего метров двадцать. Охрана возле дверей концертного зала начала проявлять строгость и бдительность:

– Группа поддержки и все, кто не участвует в кастинге – в сторону! Внутри вам нельзя. Остаются только вокалисты, разбиваются по парам, готовят паспорта и приглашения...

Чем ближе была цель, тем больший мандраж овладевал всеми участниками отбора. У кого-то действительно пропал голос, кто-то заходился в истеричном кашле, кого-то тошнило, у кого-то ногу свело... Слава богу, хоть с этим у Галинки всё было в порядке. Зато уже непосредственно перед крыльцом она с ужасом осознала, что нестерпимо хочет помаленькому, а поблизости не наблюдалось ничего, похожего на туалет. Выходить из очереди ей было боязно – вдруг в её отсутствие ближайших соседей запустят внутрь, а ей снова придётся занимать с конца? Пришлось терпеть из последних сил.

В дверях охранники сдерживали толпу, не давая ей тут же ломиться на третий этаж, где проходило прослушивание. Внутри запускали группами по пятьдесят человек, предварительно тщательно изучив документы.

– Девушка, – пожурил её один из членов охраны, – ну что ж вы с баулом-то... Это же телевидение, а не зал ожидания на вокзале. Мы обязаны проверять все сумки.

– Между прочим, я прямо с самолёта сюда явилась, – огрызнулась Галинка. – Но если моя сумка кажется вам подозрительной, можете проверить, мне скрывать нечего.

Однако он только скептически посмотрел на её посиневшие губы и тоненькую курточку, а затем с досадой махнул рукой:

– Ладно уж, проходите.

И вот наконец Галинка вместе с остальными сорока де-

влятью участниками ввалилась в холл концертного зала. Однако и тут пришлось терпеть – попросили дожидаться, пока сверху не спустится предыдущая группа «кастингуемых». Вожденный туалет, как ей доходчиво объяснили, находился за очередным кордоном охраны, и попасть туда можно было только после того, как пройдёшь прослушивание. Галинка с ужасом поняла, что ещё пара минут – и ей уже не нужен будет никакой кастинг. Она поискала охранника с наиболее добрым лицом и кинулась к нему:

– Пожалуйста, можно мне в туалет?

– Вот сначала пройдёте кастинг на третьем этаже, а потом уж идите куда хотите, хоть на все четыре стороны, – флегматично отозвался он. Галинка сделала жалобные глаза котика из «Шрека»:

– Да вы что, как я петь-то буду в таком состоянии?! Ещё чуть-чуть – и описаюсь... – доверительно добавила она, понизив голос.

Смерив Галинку взглядом, охранник тоже смягчился, как и его предшественник. Выражение его лица сделалось не отчуждённо-деловым, а нормальным – участливо-человеческим.

– Ладно, давайте в залог паспорт и приглашение, – быстро сказал он. – И чтобы живо у меня! Одна нога здесь, другая там!

Выйдя через пять минут из заветной комнаты с табличкой «WC» и чувствуя себя на седьмом небе от счастья, Га-

линка вдруг осознала, что совершенно успокоилась и больше не боится. Словно все её волнения исчерпались желанием посетить туалет. Теперь она была совершенно расслаблена и абсолютно уверена в себе.

Забрав у душевного охранника паспорт с приглашением и сердечно поблагодарив его, Галинка вместе с остальными участниками поднялась на третий этаж. Именно там, за закрытыми дверями одной из аудиторий, и происходило *таинство...*

Александр Белецкий

Утром за завтраком Александр украдкой разглядывал лицо дочери, которая была полностью поглощена своим айфоном. Он пытался понять, чем Даша живёт, чем дышит, о чём мечтает. Стыдно признаться, но он и в самом деле не слишком-то хорошо знал её. Вернее – не очень понимал в последние годы. В её возрасте, помнится, он был совсем, совсем другим...

– Скажи, – начал он осторожно, – твоё желание стать актрисой действительно искреннее? Или это просто ради того, чтобы насолить матери?

– Абсолютно искренне хочу насолить матери, – кивнула Даша, не отрываясь от айфона.

Белецкий разозлился.

– Послушай, ну я ведь не шутки шучу! Речь идёт о твоём будущем. До поступления осталось три месяца, ты хоть как-то готовишься? Может быть, есть какие-то дни открытых дверей для студентов...

Даша наконец подняла взгляд на отца.

– Во ВГИКе нет и не было никакого дня открытых дверей, – отчеканила она ровным голосом. – Ещё вопросы?

– Значит, ты решила поступать именно во ВГИК... – задумчиво констатировал он. – А почему, можно спросить?

– Потому что не хочу растрачивать силы и нервы на дру-

гие театральные вузы, – Даша дёрнула плечиком и быстрым лёгким движением откинула со лба упавший локон. – Меня интересует кинематограф. Упаси боже, я не собираюсь играть в театре, как маменька.

– Почему это «упаси боже»? – он приподнял одну бровь. – Я тоже служу в театре и не вижу в игре на сцене ничего зазорного.

– Ты – это другое, – Даша махнула рукой. – Ты и так звезда. Но ведь знаменитым ты стал именно благодаря кино! Теперь зрители в ваш театр ходят только ради того, чтобы поглазеть на тебя, а вовсе не потому, что у вас там такие уж гениальные постановки.

– Спасибо, доченька! – с большим чувством произнёс Александр, делая вид, что обиделся. Она вскинула на него виноватые глаза и рассмеялась:

– Пап, ну не принимай близко к сердцу... Я и в самом деле считаю, что театр – это замшелость и скукота. Вот в кино гораздо больше возможностей – там реальная жизнь, там движуха!

– Ну хорошо, – сдался Белецкий. – Допустим, ты планируешь поступать во ВГИК. Но ты хотя бы узнавала – может, там есть подготовительные актёрские курсы? Было бы неплохо позаниматься с тамошними педагогами. Я оплачу, сколько бы это ни стоило.

– Есть какие-то курсы профориентации, – Даша снова небрежно повела плечом. – Но я на них, кажется, уже опоз-

дала.

– «Кажется»! – передразнил Белецкий, всерьёз расстраиваясь из-за её легкомыслия. – Ты вообще думала, как собираешься поступать абсолютно без подготовки?

– Пап, не ссы, – примирительно отозвалась Даша, и не успел он сделать ей замечание, как дочь поспешно добавила:

– Я же у тебя суперталантливая!

– И суперскромная... – буркнул он, пряча улыбку.

– Ну да, – ничуть не смущаясь, кивнула она. – Все ВГИКовские препода моментально влюбятся в мой артистический дар и хором завопят: «К нам! К нам!!!»

– В экспрессии тебе точно не откажешь, – он усмехнулся и отхлебнул кофе. – А знаешь ли ты, дорогая, что средний конкурс в любой театральный институт – это двести человек на место?

– Знаю, знаю, – отмахнулась Даша. – Чего ты нагнеташь? Это ведь стабильная цифра, и полвека назад было точно так же. Да что тут рассуждать! Даже в тысяча девятьсот девятнадцатом году, когда ВГИК только-только открылся, из восьмисот человек поступило всего лишь сорок.

– Скажите на милость, какие познания, – покачал головой Белецкий.

– Не смейся! Я вчера гуглила историю института. Между прочим, он стал первой в мире государственной киношколой. И предпочтение тогда отдавалось не столько таланту,

сколько нужному внешнему типу. Актёров в то время называли «кинонатурщиками»... Правда, смешно, пап?

– Обхохочешься, – вздохнул он.

Тем временем Даша деловито поднесла свой айфон к тарелке, на которой лежали румяные оладушки, политые мёдом, и сфотографировала их, а затем быстро-быстро забежала пальчиками по клавиатуре на дисплее.

– Что ты делаешь? – озадаченно спросил Белецкий.

– Да вот, запостила фоточку для своих подписчиков... – отозвалась она. – Мир должен знать, что я ем!

– Господи, и ты туда же, – он неодобрительно покачал головой. – А я-то думал, что всеобщая истерия тебя не затронула.

– Папенька, ну не все же такие отсталые, как ты, – фыркнула она. – Между прочим, с твоим звёздным статусом просто неприлично не иметь ни единого аккаунта в соцсетях!

– Ой, уволь, – он расхохотался. – Сегодня я зарегистрируюсь в инстаграме (*принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена в РФ – здесь и далее*), а потом что? Придётся купить палку для селфи?

– Между прочим, – наставительно заметила дочь, – палка для селфи – гениальное изобретение. Когда делаешь обычные селфи без всяких палок, лицо получается вытянутым, все пропорции искажаются. Этакая здоровенная удлинённая рожа на всю фотку. А с палкой можно делать вполне при-

личные снимки – к примеру, на фоне достопримечательностей...

– Это ты мне сейчас так тонко намекаешь, чтобы я тебе палку для селфи подарил? – засмеялся Белецкий.

– Подари мне лучше путёвку в Европу! К примеру, в Париж на уик-энд, – не моргнув глазом, попросила она. – Вот там мне и палка тоже пригодится. Буду фотографировать себя на фоне Эйфелевой башни!

– Путёвку я тебе куплю, если ты благополучно поступишь, – отозвался он невозмутимо. – А пока что поощрять тебя совершенно не за что.

Даша, не обидевшись, пренебрежительно хмыкнула и принялась с аппетитом уплетать оладьи.

– Так значит, у тебя есть инстаграм, – подытожил Белецкий. – И что, ты тоже публикуешь там миллионы своих селфи?

– Конечно, – кивнула Даша с иронией. – Каждый мой шаг становится достоянием общественности. Готовлюсь к карьере будущей кинозвезды смолоду!

– Какой кошмар, – фыркнул он. – И эти самые... губы уточкой... тоже делаешь?

– Дакфейс, – поправила его дочь.

Он понял не сразу.

– Что, прости?

– Правильно эта мода называется «дакфейс». Утиное лицо, короче, – она захихикала. – Но я подобными глупостями

не занимаюсь.

– Уф, прямо от сердца отлегло, – улыбнулся он.

Даша тоже развеселилась:

– Прикинь, пап, через много-много лет наши потомки будут вести такие диалоги: «Вот, посмотрите, дети! Это инстаграм вашей покойной прабабушки! – А почему у неё так странно выпячены губы? – Люди в те времена были дебилами и думали, что это красиво!»

Белецкий от души расхохотался.

– Хотя, скорее всего, будет наоборот, – вдруг погрустнела Даша. – Все эти дакфейсы совершенно вытеснят со временем нормальные фотографии...

– Не думаю, – возразил отец. – Эта мода ведь не сейчас началась, просто в настоящее время она на пике популярности. Так позировала ещё сама Мэрилин Монро – складывала губы, словно в поцелуе.

– Да? – Даша несказанно удивилась. – А я-то думала, что это подражание Анджелине Джоли – выпячивать губы, чтоб они казались полнее... Если нет денег на увеличение, – невинно закончила она.

– Кстати, есть и другая теория происхождения твоего «дакфейса», – он подмигнул. – Говорят, что впервые губы уточкой начали делать проститутки, работающие в борделях Европы.

– Зачем?

– Таким образом дамы демонстрировали потенциальным

клиентам, что в их пакет обслуживания входит оральный секс.

– И-и-и!!! – Дашка завизжала от восторга, затем принялась безудержно хохотать, а вслед за ней – и Белецкий.

– Скажу одноклассницам, которые так позируют... Пусть знают, на кого равняются! – отсмеявшись, сообщила дочь, а затем взглянула на него с обожанием:

– Пап, и почему ты такой умный? Всё-то ты знаешь...

– Это не ум. Это опыт, – улыбнулся он, и Даша немедленно его поддела:

– И большой у тебя опыт по части европейских проституток?

Отец открыл было рот, чтобы сделать ей строгое внушение, но не выдержал и фыркнул.

– Ах да, – хлопнув себя по лбу, якобы вспомнила Даша, – ты же у нас больше по части американских актрис...

Белецкий снова засмеялся, но, не желая развивать эту тему, махнул рукой и молча пошёл в свою комнату переодеться – пора было ехать на съёмки.

В настоящее время он был занят в фильме об эпохе брежневского застоя. По сюжету, его герой – простой советский учитель, примерный семьянин – влюбился в американскую журналистку, которая приехала в СССР по профессиональным делам.

Роль журналистки играла настоящая американка по имени Кэролайн Робертс. Поскольку это был её первый визит в Россию, все эмоции актрисы от пребывания на чужбине в фильме выглядели абсолютно искренними. Да и чувство, вспыхнувшее у её героини к русскому мужчине, похоже, тоже грозило вылиться в настоящее... Она не скрывала своей симпатии к партнёру по съёмочной площадке и так откровенно пожирала Белецкого глазами, что тот терялся, несмотря на весь свой богатый опыт.

Кэролайн, в общем-то, нравилась ему – но ему нравились почти все симпатичные женщины. Однако это не означало, что каждую из них он мечтал затащить в постель. Американке было тридцать пять лет, но выглядела она моложе: вне съёмок носила простые джинсы и футболки, совершенно не красилась и убирала волнистые каштановые волосы в конский хвост на затылке. В средствах массовой информации уже всюю обмусоливали их роман, но журналисты неслись впереди паровоза – пока что между Александром и Кэрри, как он дружески её называл, был лишь лёгкий, будоражащий кровь флирт.

Когда он вышел из своей комнаты, Даша валялась в гостиной на диване и лениво перелистывала страницы глянцевого журнала.

- О, смотри, твоя бывшая! – оживилась она внезапно.
- Которая из? – рассеянно уточнил Белецкий.
- Да Белкина же, – Даша ткнула пальцем в фотографию. –

С ребёнком. Хорошенький мальчик у неё. На тебя, кстати, похож... – добавила она невинным голоском.

Он отобрал у неё журнал и уставился на фото Вики с сыном.

– И ничуть не похож.

– Да одно лицо! – убеждённо заявила Даша. – Смотри, волосы такие же тёмные, и глаза... Я ни у кого в жизни больше не видела таких синих глаз. Слушай, пап, – она воодушевилась, – а это точно не твой ребёнок?

– Прекрати молоть ерунду! – рассердился он.

– Ну почему сразу «ерунду»? Вы с ней когда расстались, года три назад? А что, вполне подходит по возрасту...

– Послушай, – начал Белецкий, нервничая, – это не может быть мой ребёнок, потому что... – и осёкся.

Даша не знала о его бесплодии – это вызвало бы ненужные вопросы о природе её собственного появления на свет.

– Потому что – что? – её глаза сверкнули диким неприкрытым любопытством.

– Ничего, – он раздражённо отмахнулся. – Просто забудь эти глупости.

– Ох, темнишь, батя, – Даша насмешливо погрозила ему пальцем. – А что, было бы прикольно, если бы пацан оказался моим братом. Так скучно быть единственным ребёнком в семье... Ладно-ладно, не сердись! – воскликнула она, увидев, что он продолжает сурово хмуриться. – Ой, пап, ты такой красивый, давай с тобой селфи забацаем!

– Не подлизывайся, – буркнул он, уже оттаивая. Даша вскочила с дивана, подбежала к отцу, обняла его одной рукой и, отведя другую руку с айфоном как можно дальше в сторону, сделала снимок.

– Тоже в инсту выложишь? – вздохнул он.

– А как же... – отозвалась Даша, уже колдуя с фильтрами. – Пусть завидуют! Все мои одноклассники в тебя влюблены, дуры. Столько лайков будет, никому и не снилось! Эксклюзив: звезда в кругу семьи!

И вдруг – так же внезапно, как оживилась – дочь помрачнела.

– А вообще, если честно, пап... Все эти соцсети – такая лажа! Суррогат настоящей жизни и реального общения... Показуха, кругом сплошная показуха. Обязательно отметить друзей, зачекиниться где только возможно – смотрите, все смотрите, какой активной и насыщенной жизнью я живу! «Вася Пупкин был счастлив с Марусей Хрюкиной на фестивале в Гадюкино», «Пётр Иванов испёк пирожок с Иваном Петровым»... Всё как на ладони, этакая ярмарка тщеславия. Кто с кем был. Кто с кем ел. Кто с кем спал!

– И после этого ты ещё упрекаешь меня в том, что я не завожу аккаунтов в соцсетях? – усмехнулся Белецкий, не отрывая от неё внимательного взгляда. – Ты же и сама всё прекрасно понимаешь.

– Понимаю, – Даша вздохнула. – Знаешь, так грустно иногда бывает. Особенно когда вижу парочки где-нибудь в ка-

фе: сидят друг напротив друга за столиком, оба уткнулись в свои телефоны, в глаза не смотрят, зато наверняка строчат посты о том, как они прекрасно и романтично проводят время на свидании... А мои одноклассницы!!! – лицо её перекошено искренним возмущением. – Выкладывают фото листика салата с хэштегом «правильное питание», а потом, собрав урожай лайков, нажираются бургерами в Маке. Или встанут на ролики, сфоткаются, не забыв подписать про здоровое тело и здоровый дух, а затем закидывают эти ролики куда-нибудь в кладовку и до следующего года о них даже не вспоминают. Лишь бы побольше просмотров, репостов и откликов собрать!

– Жажда дружеского внимания, – пожал плечами он.

– Да не дружеское оно! – психанула Даша. – Ни разу не дружеское! В соцсетях абсолютное большинство занято тем, что меряется пиписьками – прости, не смогла подобрать другой эпитет. Врут, приукрашивают и огламуривают собственную жизнь. Раньше, к примеру, на дни рождения собирали близких людей и радовались их компании и подаркам. Теперь же кичатся количеством виртуальных открыток: ах, у меня три тысячи уведомлений о поздравлениях от моих френдов!!! Причём большую часть этих френдов никто даже в глаза ни разу не видел... Видимость отношений. Даже женские журналы, которые раньше печатали советы в духе «Как понравиться мужчине на первом свидании», теперь публикуют статьи «Какие фото лучше всего помещать в соцсетях,

чтобы собрать как можно больше лайков».

— В каком же страшном мире живёте вы, о представителе современной молодёжи, — полушутя-полусерьёзно продекламировал Белецкий.

— Ох, папа... — вздохнула она, — ты даже представить себе не можешь.

В машине Александр наконец смог расслабиться — больше не нужно было держать лицо. Водитель никогда не задавал лишних вопросов и вообще не открывал рот, если его об этом не просили.

Белецкого по-прежнему не оставляло странное чувство, которое возникло сразу после того, как Дашка подозрительно уточнила, не является ли он отцом Викиного ребёнка. Не то чтобы он сам так думал — Белецкий упрямо не допускал этой возможности. Но... чёрт возьми, пацан и правда был на него похож! Особенно на его детские фотографии.

И всё-таки это казалось ему практически невероятным. Чтобы Вика исхитрилась так долго скрывать сей факт от общественности?.. Как точно подметила одна знаменитая писательница, театральный мир — это поганая помойка, «где частная жизнь всегда выворачивалась наизнанку, публиковалась любая незначительная деталь, а уж кто кого любил — не любил, кто с кем случайно пересекался на гастрольных простынях провинциальных гостиниц и от кого какая актри-

ска сделала аборт – мгновенно распространилось».

Он достал смартфон. Ни инстаграма, ни твиттера, ни даже ВКонтакте у него там не водилось, однако поисковая система работала исправно. Он забил в гугле «Виктория Белкина сын» и принялся изучать список полученных ссылок. Информации было не слишком много, да и не совсем та, в которой он нуждался. С досадой поморщившись, Белецкий сдался и набрал номер Каринэ.

– Вау, какие люди, – ответила она на звонок мурлыкающим тоном. – Что же тебе от меня понадобилось на этот раз, Саша?

– Во-первых, здравствуй, – отозвался он. – А во-вторых, что значит «на этот раз»? Я так часто тебя беспокою?

– Не так часто, как мне хотелось бы, – засмеялась она. – Ладно, что там у тебя стряслось? Выкладывай.

Каринэ Сарксисян была главным редактором издания «Глянец», писавшего о светской жизни знаменитостей. С Белецким она познакомилась после того, как опубликовала о нём скандальную статью. Их отношения были весьма странными. То ли горячая симпатия, то ли яростная взаимная неприязнь, и всё это перемежалось торопливым сексом в каких-нибудь экстремальных условиях – к примеру, в его гримёрной после спектакля или в её кабинете прямо на редакционном столе. Но, несмотря на кажущуюся странность, это тянулось уже несколько лет. Недороман? Полудружба? Они оба затруднялись с определением, но всё-таки по инер-

ции поддерживали эту связь.

– Видишь ли, Карин, – начал Белецкий, не зная толком, как сформулировать свою просьбу, – мне нужно узнать кое-какую информацию, но в интернете я почему-то не смог её найти. Вот и подумал, что у вас, журналистов, должна быть какая-нибудь секретная база данных о знаменитостях. Разве не так?

– Вау, интригуешь! – протянула она заинтересованно. – И на кого же мне надо будет нарыть компромат?

– Это ребёнок. Зовут Иван. Сын Виктории Белкиной и Даниила Стрельникова... – он постарался придать интонации независимое выражение, но голос всё же чуть дрогнул. Каринэ, услышав эту слабинку, напряглась как охотничья собака, почуявшая дичь.

– Белкина и Стрельников?! Наши знаменитые неразлучники? Белка и Стрелка? – она фыркнула. – А с чего вдруг тебя заинтересовал их ребёнок?

– Мне нужно узнать день его рождения. Точную дату, понимаешь? – волнуясь, сказал Белецкий. – Я нигде не могу её найти. Пишут только, что ребёнок родился два года назад.

– Так-так-так... Неужели есть подозрения, что этот самый Ваня – твой сын? – без обиняков спросила Саркисян.

Александр нахмурился. Ох, пожалуй, зря он впутал её в эту историю. Теперь сплетен и пересудов не оберёшься...

– Я этого не говорил, – произнёс он холодно.

– Ну хорошо... я пробую по своим каналам, – с лёгко-

стью согласилась она, явно сама заинтересованная этим делом, и добавила игриво:

– А что мне за это будет?

– А чего ты хочешь? – подхватил он её озорной тон.

– Ко мне скоро придет сестра из Еревана. Сможешь устроить контрамарки на твои спектакли? Хочу поводить её по московским театрам и не разориться при этом.

– Сделаю, – пообещал он, удивившись незначительности просьбы.

– Позвони мне завтра с утра... или нет. Давай, я лучше сама тебе позвоню, когда мне станет что-то известно! Пока не знаю точно, насколько это затянется.

– Договорились, – отозвался Белецкий, чувствуя смутное, зарождающееся в глубине души волнение. – Спасибо тебе.

Виктория Белкина

С каждым днём с Ванечкой становилось всё интереснее: он много и забавно болтал, и Вика до слёз смеялась над его перлами. При любой возможности она старалась сама проводить время с сыном, не сваливая эти заботы на няню. Ей не скучно было ни гулять с Ванечкой, ни кормить его, ни переодевать, ни купать – потому что они всё время безостановочно разговаривали.

Вот и сейчас, пока они брели с детской площадки домой, Ваня деловито рассуждал об отличиях человека от животного:

– У лисички хвостик. У маленьких деток нет хвостика, только пампелс. Ваня уже большой, у Вани нет пампелса, только попа!

Вика важно кивала, изо всех сил стараясь не заржать:

– Ну конечно, ты у меня уже совсем-совсем большой.

Сынишка, конечно, не был ангелом во плоти – время от времени любил и похулиганить. Иногда его одолевала жажда провести какой-нибудь необычный эксперимент: к примеру, остановиться посреди улицы и резко и пронзительно завизжать без всякой видимой причины.

– Ваня, что ты делаешь?! – в ужасе спрашивала Вика, а он доходчиво объяснял ей:

– Я олу!

Впрочем, долго сердиться на него было невозможно: едва Вика принималась отчитывать сына за какой-нибудь проступок, он сразу же делал обиженные глазки, нижняя губёшка начинала трогательно дрожать, и он с укоризной произносил:

– Не надо лугаться!

Сегодня они загуляли и уже слегка опаздывали – Ване пора было обедать и укладываться на дневной сон. Сын упорно не признавался, что устал, однако, когда до их дома оставались считанные метры, остановился и захныкал, лепеча как младенец:

– Мама... на тюки... хочу на тюки...

– Ну вот, такой большой мальчик – и на ручки захотел? – улыбнулась Вика, подхватывая его.

В свои два года с хвостиком Ванечка выговаривал практически все буквы, кроме «р», но в минуты сильной усталости или сонливости начинал смешно коверкать слова – как делал, будучи ещё совсем крошечным. «На ручки» у него превращалось в «на тюки», «выпить молока» – в «пити каля», «смеётся» – в «финётся», а «Снегурочка» – в «Фигулочку». Данила даже частенько поддразнивал его, торжественно изрекая что-то вроде:

– Пока мама финялась, Ванечка не слезал с папиных тюк!

Итак, Вика послушно взяла ребёнка *на тюки* и зашагала к подъезду. Голова Ванечки тяжелела и клонилась на её плечо – он засыпал буквально на ходу. Вика прибавила шаг.

Если он сейчас уснёт, его сложно будет раздеть дома, не разбудив. А если разбудить – малыш ещё больше раскапризничается...

Она была уже почти у двери и одной рукой нашаривала в кармане ключ от домофона. В это время со скамейки ей навстречу поднялся какой-то рыжеволосый парень и радостно поздоровался:

– Вика, привет!

Она недовольно взглянула на чужака. Любые разговоры были сейчас не к месту и не ко времени. К тому же, его лицо ни о чём ей не говорило: Вика готова была поклясться, что видит этого рыжего первый раз в жизни.

– А разве мы знакомы? – холодно осведомилась она.

– Пока нет, но давно пора было познакомиться, – он широко улыбнулся ей в ответ.

– Послушайте, мне сейчас не до ваших дурацких загадок, – раздражённо сказала она, продолжая рыться в кармане в поисках ключей. – У меня ребёнок засыпает.

– Давай помогу донести его до квартиры! – радушно предложил рыжий. Вика опешила от такой бесцеремонности, и немедленно одним лишь взглядом облила непрошеного помощника презрением с ног до головы.

– Спасибо, обойдусь, – отозвалась она сухо, делая попытки обогнуть нахала и проникнуть в дом. Ей даже стало немного не по себе – а вдруг это какой-нибудь маньяк? Страшно с таким в подъезд заходить... Непонятно же, что

у него на уме.

– Да ты не бойся, я не кусаюсь! – словно прочитав её мысли, парень продолжал излучать добродушие и приветливость.

– Мы с вами, кажется, ещё не переходили на «ты», – проворчала она в замешательстве, лихорадочно прикидывая, что лучше – зайти-таки внутрь подъезда или рвануть отсюда прочь, куда-нибудь поближе к людям?

– Вик, да я же твой брат! – выпалил незнакомец, искренне улыбаясь от уха до уха.

– С ума сошли? Нет у меня никакого брата, – Вика окончательно уверилась в том, что парень – либо маньяк, либо псих.

– Ну понятно, ты обо мне ничего не знаешь... мы же не общались, – покладисто подтвердил он и выкрикнул уже ей в спину:

– Я только сегодня из Самары приехал! Меня Женя зовут. Я – сын Владислава Борисова, твоего отца. Вот и получается, что ты мне – единокровная сестра, так?

Вика остановилась и медленно-медленно обернулась.

– Ну вот, дошло наконец! – обрадовался рыжий. – А я тебя уже целый час здесь жду. Слушай, ну на улице неудобно общаться. Предлагаю подняться к тебе, и я всё-всё расскажу. А ребёнка давай, мне не трудно...

В каком-то замешательстве Вика послушно позволила ему взять задремавшего Ванечку на руки, приложила ключ

к домофону и открыла дверь. В голове и сердце у неё творился какой-то маловразумительный сумбур – едва ли она могла бы даже приблизительно описать словами то, о чём сейчас думает и что чувствует.

Вику вырастила бабушка. Отец ушёл от матери к другой женщине, когда дочке было всего три года. Мама страшно переживала: сначала целыми днями плакала, а затем впала в затяжную депрессию, которая постепенно переросла в хроническую шизофрению. После очередной попытки самоубийства её положили в самарскую психиатрическую больницу; Вике было тогда шесть лет.

Отец исправно присылал алименты вплоть до её совершеннолетия, однако ни разу не изъявил желания повидаться с дочерью. Конечно, до Вики периодически доходили какие-то слухи о нём и его новой семье: говорили, что у него появились другие дети – так что, очевидно, Вика просто стала ему не нужна. Она привыкла жить без мыслей об отце и, пожалуй, действительно не испытывала потребности в родительской ласке, потому что добрая любящая бабушка заменила ей и маму, и папу.

После бабушкиной смерти Вика поняла, что у неё не осталось абсолютно никакой связи с родным городом на Волге. Самарскую квартиру она планировала продать в самое ближайшее время, ничто больше её туда не манило и не влекло.

Она давно прикипела к столице – поступила во ВГИК, обосновалась здесь, полюбила этот суматошный, шумный и прекрасный город...

В Москве была семья, а также друзья, учёба и работа – и вот сейчас, когда давно забытая часть прошлого внезапно ворвалась в её новую жизнь, Вика совершенно растерялась.

Они втроём поднялись в лифте на пятый этаж, и Вика, от волнения не сразу попадая ключом в замочную скважину, дрожащими руками открыла дверь.

– Заходи... заходите, – неуверенно произнесла она, обращаясь к рыжему, которого пока даже в мыслях не могла назвать, а тем более принять своим братом.

– Я сейчас его раздену и уложу, – сказала она, забирая спящего Ванечку у парня и изо всех сил стараясь не встретиться с ним взглядом. – А ты пока проходи на кухню... располагайся, я скоро.

– А можно мне сначала в ванную? – не моргнув глазом, весело поинтересовался Женя. – Руки помыть... ну, и вообще, в туалет сходить, то-сё.

Похоже, в мире не было ни одной вещи, которая могла его смутить или заставить чувствовать себя неловко.

– Да, конечно, – отозвалась она ровным голосом. – Делай, что хочешь.

Ванечка совсем разоспался: пока Вика осторожно стаскивала с него ботиночки, куртку и шапку, разматывала шарф и стягивала варежки, он даже не пошевелился. Уложив ре-

бёнка в его кровать, Вика чуть-чуть постояла в дверях комнаты, собираясь с духом, а затем решительно зашагала в сторону кухни.

Женя уже по-хозяйски сидел за столом, пил чай и закусывал хлебом с копчёной колбасой. Поймав её ошеломлённый взгляд, невозмутимо пояснил:

– Ты не думай, я не шарился по вашему холодильнику. У меня бутерброды ещё после поезда остались. Я же к тебе прямо с вокзала приехал, – он кивнул на валяющийся у его ног объёмный рюкзак.

– Да ничего, – отмерев, сказала Вика и передёрнула плечами. – Вот ещё возьми, если хочешь... – она открыла дверцу холодильника и выложила на стол сыр и масло.

– Я только чайник вскипятил, – пояснил он. – Плеснуть тебе кипяточку?

– Да, пожалуйста... – Вика осторожно присела на краешек стула.

Грея руки о чашку, она исподтишка разглядывала своего незваного брата. Ему нельзя было отказать в обаянии – открытое славное лицо, всегда готовое к улыбке, весёлые серые глаза и огненная шевелюра, должно быть, моментально располагали к нему людей. Но всё-таки Вика не могла окончательно расслабиться.

– Послушай... не обижайся и всё такое, но... ты не мог бы показать мне свои документы? – поколебавшись, попросила она, мысленно обругав себя последними словами: дура, надо

было сделать это раньше, ещё до того, как пустила этого типа к себе домой!

Женя спохватился и замахал руками:

– Ну конечно! О чём разговор! Представляю, сколько тебя незнакомцев ежедневно атакует, доверяй – но проверяй! – с этими словами он нагнулся к своему рюкзаку и вытащил оттуда паспорт.

– Да нет, никто меня не атакует, – усмехнулась Вика. – Я же не вот прям знаменитость. У моего мужа гораздо больше поклонников...

– Всё равно звёздная семейка, – весело подытожил Женя.

Вика не без интереса пролистала странички его паспорта. Евгений Владиславович Борисов, место рождения и прописка – город Самара. Что ж, очевидно, этот рыжий говорил правду, он и в самом деле её брат. Она вернула ему паспорт и поинтересовалась:

– Как же ты меня разыскал?

– А соседка твоя адрес дала, – охотно пояснил он. – Клавдия Михайловна. Мировая старушка!

– Да... – Вика кивнула. – Они с бабушкой очень дружили, а сейчас она за квартирой приглядывает, потенциальных покупателей туда водит.

– Ты что, свою самарскую квартиру продавать собралась? – удивился Женя. – Окончательно все концы обрубашь? Всё-таки, малая родина.

– К чему мне квартира, если я там не бываю? – Вика пожа-

ла плечами. – Только за коммунальные услуги платить. Мой дом теперь – Москва, а в Самаре у меня никого не осталось.

Женя красноречиво крякнул, и Вика невольно улыбнулась его простодушью.

– Только не говори мне, что ожидал, будто в порыве сентиментальности я тут же сольюсь в радостном экстазе с внезапно объявившимся родственничком! Или ты именно ради этого приехал?

– Ну нет, я не настолько наивен, – брат тоже улыбнулся. – Я работу найти хочу. Вообще-то ты права, в Самаре ловить нечего... тупо развернуться нигде! Тем более, сейчас кризис – цены растут, рубль падает... А у вас в Москве, я слышал, таких специалистов, как я, с руками отрывают.

– А ты кто? – с интересом спросила Вика.

– Программист, – отозвался он гордо. – Между прочим, перед приездом я закинул резюме в несколько компаний, мною уже заинтересовались, завтра начинаю ходить по собеседованиям!

– Поздравляю, – откликнулась она. – Значит, решил насовсем сюда перебраться?

– Ну да, – он радостно кивнул.

– А меня зачем разыскал? Просто из любопытства или по какому-то конкретному делу?

Кажется, ей впервые удалось его сконфузить.

– Ну как... сестра всё-таки, – пробормотал он. – Ведь не чужие люди, а ни разу друг друга даже не видели.

– Не по моей вине, заметь.

– Я знаю... я понимаю, Вик, что ты на отца сильно обижена. Но... поверь, он вовсе не такой уж плохой! – горячо заговорил Женя. – Просто так сложились обстоятельства... Он и сам раскаивается, правда!

– Раскаивается? – Вика зло прищурилась. – В чём же, интересно знать? В том, что по его вине моя мать почти двадцать лет находится в дурдоме? В том, что он ни разу даже не предпринял попытки повидаться со мной, отделиваясь алиментами? Или в том, что несколько лет назад дал интервью журналу «Глянец» о том, какая я сука?

«Викюля никогда не скрывала того, что я ей не нужен и не интересен, – говорилось в том злосчастном интервью, каждую строчку которого Вика до сих пор помнила наизусть. – Её вообще не интересовало ничего, кроме карьеры артистки. Она даже не позволила мне приехать на похороны моей бывшей тёщи. Пока бабушка была жива, Вика не навещала её, не заботилась. Бабушка умерла в её отсутствие. Забытая, больная, одинокая, несчастная женщина... Вика же явилась на похороны и буквально в считанные дни сдала освободившуюся квартиру».

Разумеется, Вика понимала, что журналисты могли по своему исказить слова её отца, преподнеся их в наиболее скандальном ракурсе и вырвав из контекста. Ведь, по сути, почти всё сказанное отцом было правдой. Она и в самом деле много лет грезилась карьерой артистки и поехала поступать

в Москву, прекрасно зная, что бабушка стара и нуждается в заботе. Бабушка действительно умерла одна, а Вика успела лишь на похороны. Отца она и вправду отказалась приглашать на похороны и поминки. Но... чёрт возьми, всё было так – и *совсем не так!* Она руководствовалась совершенно иными мотивами, чем теми, которые предписывал ей этот желтушный журнал.

– Ну ты же понимаешь, Вик, что всё, что публикуется в СМИ, надо мысленно делить на десять, – пожал плечами Женя. – Отец, к слову, тоже был далеко не в восторге от получившегося интервью. Ну и потом, кто старое помянет – тому глаз вон. У меня же ещё младшая сестра есть... в смысле, *у нас с тобой* есть сестра, – поправился он. – И она тоже хотела бы когда-нибудь с тобой познакомиться и подружиться.

– Извини, Жень, – она решительно прервала его, подняв ладонь. – По-моему, для одного дня слишком много новой информации. *Overload*⁷ – так у вас, компьютерщиков, кажется, говорят?.. Тут тебе и брат, и папа, а теперь ещё и сестра, оказывается... Индийское кино!

– Я всё понимаю, Вик, – сказал он спокойно и серьёзно. – Я же тебя не тороплю. Просто надеюсь, что, коль скоро я буду жить в Москве, мы могли бы чаще встречаться и со временем лучше узнать друг друга!

Честно говоря, Вика совершенно не была расположена встречаться с ним чаще и лучше узнавать, но выпроваживать

⁷ *Overload* – перегрузка (англ.)

парня в открытую у неё не хватило решимости.

– Да, кстати, а где ты собираешься жить? – спросила она, как бы намекая на то, что пора и честь знать.

– Ой, вот как раз об этом я и хотел с тобой побеседовать! – оживился Женя.

Вика мысленно закатила глаза: ну вот, начинается... Так она и думала – сейчас этот бедный родственничек попросится пожить у них недельку-другую... и в итоге застрянет навсегда.

Однако Женя заговорил о другом.

– Не сдаёт ли кто-нибудь из твоих знакомых квартиру или хоть комнату? Я просто в Москве никого ещё не знаю, а с риелтором слишком дорого выйдет... Я очень ответственный и аккуратный, правда! – заверил он простодушно и искренне.

Вика невольно улыбнулась.

– Знаешь, Жень, в тебе есть что-то симпатичное. Поэтому, пожалуй, я помогу тебе на первое время. У меня есть свободная квартира, и я тебя туда пущу. Но только на пару месяцев, потому что потом планирую её продавать.

– Ничоси, – вытаращил глаза Женя, – у тебя и в Москве своя хата есть? Ну ты крута, однако!

– Сама в шоке, – Вика не выдержала и засмеялась. – На самом деле, она и правда досталась мне самым невероятным образом...

Когда четыре года назад Вика приехала в Москву посту-

пать, у неё тоже не было здесь ни друзей, ни знакомых. Она сняла комнату у бывшей балерины Большого театра, интеллигентной чопорной старухи, которая не признавала халатов, даже дома одеваясь в элегантные брючные костюмы и туфли на каблуках, регулярно делала маникюр и красила волосы. Ещё она лихо курила через мундштук – и это было дьявольски красиво. В старухе вообще была какая-то чертовщинка, и ей легко можно было простить любую странность, даже если бы она носила шляпки с вуалью или обмахивалась веером из павлиньих перьев. Вика подозревала, что Ариадна Васильевна не смывает косметику даже на ночь – во всяком случае, сонно сталкиваясь с ней в темноте в дверях уборной, она заставляла престарелую танцовщицу при полном макияже. Если Ариадна Васильевна с утра заставляла девушку дома, то нередко предлагала выпить с ней кофе и перекинуться парой слов светской беседы. За совместными утренними кофепитиями Вика и узнала постепенно хозяйкину биографию. Ни детей, ни внуков у балерины не имелось, а мужа своего она похоронила много лет назад. Может быть, именно из-за постоянного одиночества она так привязалась к своей постоялице...

В конце первого курса Вике привалила неслыханная удача: её пригласили на главную роль в фильме «Балет». В том, что её утвердили, была немалая заслуга Ариадны Васильевны – старуха помогла Вике основательно подготовиться к кастингу, посвятив в основные секреты балетной профессии.

В общем, старая балерина и юная актриса были закадычными приятельницами.

И тем не менее, для Вики стал настоящим шоком тот факт, что Ариадна Васильевна отписала ей свою квартиру в завещании. Когда спустя неделю после похорон ей позвонил адвокат и сообщил об унаследованной «двушке», Вика лишилась дара речи и подумала, что это чей-то глупый розыгрыш. Первое время она даже ждала, что вот-вот заявятся настоящие наследники, связанные с покойной балериной кровными узами. Однако никто так и не появился...

У Вики с Данилой не было собственного угла в Москве, после свадьбы они снимали двухкомнатную квартиру, поэтому подвернувшееся наследство было им очень кстати. Вика планировала продать самарскую однушку и квартиру Ариадны Васильевны, а на вырученные деньги купить в столице просторное хорошее жильё. Однако пока не минуло шести месяцев со дня смерти балерины, Вика не могла вступить в права наследования, так что квартира Ариадны Васильевны пустовала и ждала своего часа. Именно туда она и планировала временно поселить своего самарского братца.

– Ух ты! – глаза у Жени загорелись. – Викуль, спасибо тебе огромное, ты меня так выручила! Разумеется, это только на первое время... А потом я начну нормально зарабатывать и сниму себе жильё.

Вика написала на листке, вырванном из записной книжки, адрес и принесла ключи.

– Извини, провожать не стану. Мне ребёнка не с кем оставить, а вечером репетиция. Вообще, ты уже большой мальчик, так что сам сориентируешься и доберёшься. Но если что-то понадобится – звони.

– Ну конечно! – возликовал он, загребая связку ключей в ладонь. – Я понимаю, что уже утомил тебя, поэтому сию же секунду испаряюсь! – было видно, что ему не терпится осмотреть своё новое жилище.

– Жень, только одна просьба, – окликнула она его уже на пороге. – Не устраивай срач и не превращай квартиру в притон.

– Ни в коем разе, – отозвался он совершенно счастливым тоном. – Я твой вечный должник!

Репетиция предсказуемо умотала Вику вконец. Она и думать забыла о свалившемся на её голову младшем братце – и без того было полно забот. Вика вообще не знала, как дотянет до получения диплома: её аккумуляторы были почти полностью разряжены. Она ужасно уставала, постоянно не высыпалась и раздражалась по пустякам. На репетициях Вика злилась сама на себя – если не могла схватить и передать характер своей героини; на партнёров – если они тупили или наигрывали; на Мастера – за то, что он требовал «сыграть то, не знаю что»...

Сегодня, например, её ужасно бесила однокурсница Ната-

ша Синицына, которой досталась роль Кати. По сюжету, эта героиня всё время взвизгивала, когда хохотала, Наташа же в своём рвении не просто взвизгивала – она визжала, как недорезанный поросёнок. Спустя полчаса после начала репетиции у Вики страшно разболелась голова, но сделать замечание Наташе она не рискнула – Мастер не выражал недовольства по этому поводу и, значит, был согласен с трактовкой роли.

– Наука, она, конечно, движется... – бормотал Олег Кравцов в образе Ксан Ксаныча. – Может, ещё доживём до такого дня, когда откроют мастерские для ремонта человеков. Надоел тебе, скажем, твой родной нос – забежал в такую мастерскую, сменил нос и пошёл себе дальше с новым носом: хочешь – прямой, хочешь – с горбинкой!..

«Катя» опять заходилась в пороссячем визге, и Вика снова морщилась и закатывала глаза.

Впрочем, по ходу действия родилось несколько свежих идей.

Во-первых, Михальченко предложил Вике с Никитой играть так, словно Тося Кислицына была влюблена в Илью Ковригина ещё до знаменитого спора на шапку, а его она длительное время только раздражала. Вика изо всех сил старалась, изображая глупую восторженную девчонку: когда она шла рядом с Никитой, то мельтешила вокруг него, преданно заглядывала в глаза, суетливо и нелепо размахивала руками и постоянно хихикала невпопад.

Во-вторых, с инициативой неожиданно выступила Варечка – ей захотелось сыграть свою героиню, Надю, тоже тайно влюблённой в Илью. Мастер поначалу отмахнулся было – мол, ни к чему нам эта Санта-Барбара, но затем заинтересовался идеей: ведь в повести Надежда всерьёз завидовала Тоське, так почему бы поконкретнее не обозначить причину её зависти? Тогда и её финальный уход от Ксан Ксаныча становился более понятен – Наде хотелось любви такой же красивой, как у Тоси, и к такому же человеку, как Илья.

– И зачем ты это придумала, Варвара? – поддел её неугомонный Никита. – Уже не можешь сдерживать своих реальных чувств ко мне и потому решила воплотить их на сцене?

Стеснительная безответная Варечка покраснела чуть до слёз, а Никита тут же получил традиционного тычка от Вики.

– Замолчи, – прошипела она ему одними губами. – Что ты над ней всё время издеваешься! Ей и так непросто: угораздило же втюриться в такого обалдуя, как ты...

– В этом нет ничего удивительного, – отозвался Никита, в отличие от Вики даже не пытаясь понизить голос и насмешливо глядя на Варечку. – В меня все влюбляются. Только ты, Белкина, удивительно равнодушна к моим чарам.

– А тебя это заводит, да? – усмехнулась Вика. – Непременно хочешь и меня заполучить в свой фан-клуб?

– Ну что ты, я об этом даже не мечтаю, – отмахнулся он со смехом. – Хотя... надо бы поспорить с кем-нибудь на шап-

ку, что через неделю будешь бегать за мной, как собачонка! – произнёс он с интонациями Ильи.

Вика снова пихнула его в бок:

– Размечтался! Закатай губу.

– Слушай, я после репетиций домой весь в синяках прихожу, – пожаловался Никита. – Ты постоянно меня лупцуешь. Бьёшь – значит, любишь?..

На этот раз закончили в одиннадцать часов вечера – можно сказать, детское время. Обрадованная Вика заспешила домой, мечтая о горячей ванне и о том, что хоть сегодня, быть может, ей удастся пораньше лечь и выспаться.

Приезд брата из Самары совершенно вылетел у неё из головы, поэтому мужу она так ничего и не сказала.

Галина Тесленко

Когда Галинка подрагивающими от волнения пальцами набрала заветный номер, было восемь часов утра.

Данила ответил не сразу. Затаив дыхание и зажмурившись, она считала гудки: один... два... три... четыре... После седьмого он наконец отозвался.

– Слушаю.

От звука знакомого голоса, хриповатого спросонья, у неё привычно всполошилось сердце.

– Даня, здравствуй, – проговорила она неуверенно. – Это... это я.

– Кто «я»? – он не очень-то хорошо соображал в такую рань.

– Ну, я... Галинка, – робко ответила она, подозревая, что сейчас получит от него втык за то, что побеспокоила и разбудила.

Однако он неожиданно обрадовался.

– Вау, какие люди! Вот уж не думал, не гадал... Или что-то случилось? – обеспокоенно спросил он. – С мамой всё хорошо? Как вы там все?

– С мамой... да, всё в порядке. Дома тоже всё нормально. Дань, я сейчас не в Ялте, а в Москве, – выпалила она.

– Ого! Какими судьбами? Надолго?

– Пока не знаю... Мы могли бы встретиться? – без осо-

бой надежды робко предложила она, подозревая, что сейчас он пошлёт её куда подальше. И между прочим, будет совершенно прав, удручённо констатировала Галинка. Свалилась как снег на голову – и нагло ждёт, что занятой женатый человек, популярный артист, бросит все свои дела и помчится на встречу со своей малолетней подружкой.

– М-м-м... – он задумался. – А который час?.. Сегодня до двенадцати у меня свободное время, когда тебе удобно и где?

– Мне всё равно, – торопливо и радостно заверила она. – Я приеду, куда скажешь!

– А где ты сейчас находишься территориально?

– На Казанском вокзале.

– Да? А что ты там делаешь? – удивился он. – Я думал, ты самолётом... Из Крыма что, теперь поезда на Казанский приходят?

– Я тебе при встрече всё объясню, – уклончиво отозвалась Галинка.

– Ну хорошо. Тогда давай встретимся у главного входа в Московский универмаг. Знаешь, где это? На площади трёх вокзалов, прямо напротив Ярославского.

– Найду, Даня. Я не дурочка.

– Я знаю, – слышно было по голосу, что он улыбнулся. – Тогда до встречи, соседка!

Она была влюблена в него с того самого артековского лета.

Да и как можно было не влюбиться в такого парня?! Ей завидовали все лагерные подруги. Для них, малолеток, ребята из старшего отряда были совсем взрослыми и недосигаемыми – они зажимали в укромных уголках девчонок-ровесниц с уже округлившимися формами, покуривали тайком от вожатых, играли на гитаре у вечернего костра и пели песни о любви, а кое-кто договаривался с пацанами из гурзуфской шпаны, и те контрабандой проносили для них в лагерь дешёвый портвейн.

У Галинки сердце проваливалось в живот и запутывалось где-то в кишках, когда она встречалась с Данилой на заливных солнцем лагерных дорожках. Высокий, широкоплечий, с сияющей улыбкой на загорелом лице, он весело подмигивал ей и говорил какую-нибудь ерунду вроде: «Ну, как дела, соседка? Никто тебя не обижает?», а она млела и таяла, как сливочное мороженое.

Мать была очень довольна этой дружбой. Ей нравился Данила – воспитанный, порядочный мальчик из хорошей семьи, выросший на её глазах. Поэтому она по-свойски попросила парня присматривать за её обожаемой дочкой, пока не кончится смена:

– Даня, ты доглянь за нею, будь ласка...⁸

– Да не вопрос, тетё Ксан! – весело пообещал тот.

Но самое-то главное счастье наступило уже после лагеря.

⁸ «Даня, ты присмотри за ней, пожалуйста...» (укр.)

Оставался ещё целый месяц летних каникул, и Данила всюду таскал маленькую Галинку с собой, ничуть не тяготясь её присутствием, а, напротив, находя общество своей маленькой подружки довольно приятным и интересным.

По утрам Галинка одним махом перепрыгивала через изгородь, отделяющую их сад от соседского, и будила Данилу, бросая горсть мелких камешков в его окно. Комната располагалась в мансарде под самой крышей, и спустя мгновение за стеклом показывалось его лицо. Он махал Галинке – мол, сейчас спущусь! – и буквально через считанные минуты оказывался на улице.

На пляж они приходили около семи часов утра. Это было то самое время, когда спящие на гальке местные алкаши уже начинали пробуждаться от слабо припекающего солнышка и тихо расползались восвояси. На линии горизонта между небом и морем виднелись рыбацкие лодки, а вдоль берега степенно прогуливались интеллигентные старушки в огромных и старомодных соломенных шляпках, совершая традиционный утренний променад.

Галинка с Даней с разбегу бросались в обманчиво тёплую, будто подогретую воду и устраивали дальние заплывы чуть ли не в Турцию – до тех пор, пока не синели от холода губы, а зубы не начинали выбивать барабанную дробь. Их обоих безумно манила морская даль – завораживающе-прозрачная глубина стихии...

Иногда они попадали в настоящие стаи медуз – «сопливые

свадьбы», как шутливо называл их Данила. Эти слипшиеся облака скапливались у берега и опоясывали его таким плотным кольцом, что практически невозможно было прорвать оборону без потерь и увечий.

Как-то раз одна из этих мерзких тварей обожгла Галинку прямо в глаз – впечаталась в лицо, когда та подныривала под медузами, пытаясь выплыть на свободное пространство. Как назло, в тот раз на Галинке не было ни очков для подводного плавания, ни маски. Хорошо ещё, что до берега оставалось совсем немного. Девочка выбралась на сушу, подвывая от боли, а из глаза ручьём текли слёзы. Место ожога невыносимо горело и чесалось, глаз сделался багрово-красным, и Галинка совсем ничего им не видела. Данила и сам здорово испугался, но изо всех сил старался её успокоить: уговаривал не паниковать и не чесать больное место. Ах, как сложно это было исполнить – глаз жгло так, что Галинке хотелось немедленно вырвать его из глазницы.

Данила подхватил девчонку на руки и помчался со всех ног в ближайшую аптеку. Там им выдали антигистаминные и антибактериальные капли. Глаз удалось-таки спасти, хоть он и слезился ещё два дня после происшествия. Данила потом долго поддразнивал Галинку, называя её Кутузовым. А для неё боль от ожога померкла на фоне воспоминаний о том, как он нёс её на руках... будто прекрасный сказочный принц – свою принцессу.

Несмотря на подобные мелкие неприятности, всё равно

это лето было самым прекрасным в её жизни.

Наверное, со стороны дружба между зелёной девчонкой и шестнадцатилетним здоровым парнем выглядела несколько странно. Что связывало этих двоих – вернее, что Данила находил в этих отношениях? А ему, единственному ребёнку в семье, вероятно, просто не хватало младшей сестры. К тому же, быть объектом чьего-то искреннего обожания всегда приятно для самолюбия. Данила, сын родителей-интеллигентов, тяготился компанией пацанов-сверстников, потому что те интересовались лишь куревом, бухлом и «девками». Ему льстил тот факт, что для Галинки он – практически старший брат. Всемогуший, авторитетный и надёжный, которому она безоговорочно доверяет.

Они отважно сигали в воду со скал в несколько метров высотой – причём Галинка не уступала Даниле в бесстрашии и никогда не пыталась выбрать себе скалу помельче.

Ловили в ведро ежей, которые притопывали в сад и хозяйничали там. Наигравшись и нахохотавшись вволю над ежикими ужимками, друзья отпускали колючих на волю...

Днём собирали землянику в горах, и тётя Ксана затем варила невероятное, потрясающее, ароматнейшее варенье, с которым вечерами они пили чай из настоящего самовара на открытой веранде Даниного дома.

Они совершали налёты на местные виноградники, где лакомились сочными, пропитанными солнцем ягодами. Вкуснее нагребленного гурзуфского розового муската, как им ка-

залось, и не было ничего на свете...

А однажды, во время очередного заплыва, когда берег остался далеко позади и был едва различим, с ними рядом оказался настоящий живой дельфин. Галинка до сих пор помнила это странное ощущение – огромное продолговатое тело в воде, совсем близко... От неожиданности она ударилась в панику и резво взяла курс на берег, Данила затем долго смеялся над её испугом и дразнил трусишкой.

Сначала он катал её по всей Ялте на багажнике своего велосипеда, но вскоре убедил тётю Ксану в том, что восьмилетней девочке просто жизненно необходим собственный велик, хватит уже побираться по подружкам да одноклассникам. Галинка чуть не лопнула от счастья, когда мама согласилась! Теперь они седлали велосипеды вдвоём и устраивали длительные прогулки по всему южному побережью. Устав до изнеможения, останавливали велики и кидались в воду, чтобы охладиться, а затем разводили костёр прямо на берегу очередного пляжа и жарили на прутиках купленные где-нибудь по дороге сосиски.

Сидя у подножия Аю-Даг, Данила рассказывал ей красивую легенду происхождения этой горы, которая своими плавными очертаниями отчётливо напоминала здоровенного медведя, обессиленно припавшего к воде. Особенно хорошо это сходство было заметно по дороге в Ялту, с верхнего шоссе: издали можно было явственно различить медвежий нос, уши, холку и мощную округлую спину...

Легенда гласила, что когда-то, давным-давно, в этих краях потерпел крушение корабль, и в живых осталась одна-единственная девочка. Её воспитала стая медведей: они души не чаяли в малышке. Шло время, девочка росла и превращалась в прекрасную юную девушку. Однажды она стала свидетельницей другого кораблекрушения, в котором выжил только один юноша. Она самоотверженно ухаживала за ним, и, когда молодой человек окреп, то предложил девушке уплыть вместе с ним на лодке и пожениться. Та дала согласие, поскольку уже успела полюбить юношу. Однако стая медведей не захотела отпускать свою воспитанницу. Они решили выпить из моря всю воду и отрезать пути к побегу. Воды становилось всё меньше и меньше, и тогда девушка своим дивным голосом запела красивую песню. Медведи заслушались её прекрасным пением и забыли, что должны делать; один только вожак стаи в отчаянии продолжал пить воду из моря, надеясь вернуть беглянку. Так и лежит этот медведь на берегу моря по сей день: громадная, уставшая, обессиленная туша. Медведь-гора...

А потом Галинка впервые увидела Даню с девушкой.

Это случилось в самом конце августа. Девушка была приезжей курортницей, москвичкой. Она висела на его руке, а он шептал ей на ушко что-то смешное. Она заливалась визгливым смехом, запрокидывая голову и демонстрируя нежную

длинную шею. Данила искоса поглядывал на эту красивую шею и ниже – на зону декольте, откуда выпирала пышная молодая грудь, а затем смущённо отводил глаза.

Галинка догнала их на велике, завидев в конце переулка, и весело закричала:

– Даня, Даня, привет! А я тебя целый день ищу!..

Парочка приостановилась. Девушка с недоумением повела высокой бровью – мол, что это за комарик здесь пищит.

– А, это ты, – без всякого выражения отозвался Данила, избегая встречаться с Галинкой взглядом. – Я сейчас занят. Пока.

Она так и осталась стоять, ошеломлённо глядя им вслед и не понимая, что произошло, отчего друг внезапно стал с ней так холоден. Краем уха Галинка ещё успела уловить вопрос, заданный девицей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.